

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**Философия: современные
фундаментальные
научные исследования**

31 мая 2016 г.

Нижний Новгород
www.scipro.ru

УДК 796.01
ББК 87

Ф 54

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Философия: современные фундаментальные научные исследования: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 мая 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 62 с.

ISBN: 978-5-00-005872-0

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемные вопросы по всем направлениям философских наук научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Философия: современные фундаментальные научные исследования» (31 мая 2016 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайтах <http://www.scipro.ru> и <http://www.libex.ru/>.

УДК 796.01
ББК 87

ISBN: 978-5-00-005872-0

Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016
Коллектив авторов, 2016
Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	4
Ивлева М.И. Творческое наследие В. Лютославского и его оценка: экофилософский подход	4
Приходько А.В. Французские утописты XVIII века о проблеме мотивации к труду в уравнилельных обществах	7
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ	14
Бичарова М.М., Фролова Ю.С. Использование опыта НКО в научном фадрайзинге	14
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	20
Григорян А.Э. Ситуационно-центрированный подход к исследованию социального проектирования	20
Кораблев Д.Г. К вопросу о предпосылках теории «зеленой» экономики	25
Старков С.А. Модели экологического регулирования экономической системы	28
Фролова Ю.С., Лебедева И.В. Специфика формирования социокультурных особенностей средних слоев населения современной России	34
ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ, ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	41
Баркова Э.В. Категория творчества в зеркале экофилософии: от миметики к мимезису	41
Бузская О.М. Категория «творчество» и ее роль в развитии принципа социальной мембраны в экологии коммуникаций	45
Гайнутдинова Е.В., Лебедева И.В. Проблемы культурных критериев современных элит ..	49
Дементьева В.В. Философия смерти в древнеегипетской мистериальной культуре	55

УДК 1 (091)

Ивлева М.И. Творческое наследие В. Лютославского и его оценка: экофилософский подход

Artistic legacy of W.Lutoslawsky and its evaluation from the point of view of ecophilosophy

Ивлева Марина Ивановна

Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова, г. Москва
stm602@yandex.ru

Ivleva Marina Ivanovna

Plekhanov Russian University of economics, Moscow

Аннотация. Целью статьи является решение вопроса об историко-культурном наследии философской школы Юрьевского университета, для чего предпринимается анализ принадлежности к ее воззрениям философа Винсенты Лютославского. При написании статьи использованы методы историко-философского анализа и сравнения.

Ключевые слова: экологический аспект, философская школа Юрьевского университета, Лютославский, историко-культурное наследие, история философии.

Abstract. The article purpose is to conclude the content of historical and cultural heritage of philosophical school of Urjev University. For this purpose, the article analyzes the views of Wincenty Lutoslawsky as a thinker, whose views hypothetically may belong to that philosophical school. In the research, there were used methods of historical and philosophical analysis and comparison.

Key words: ecological aspect, philosophical school of Urjev university, Lutoslawsky, historical and cultural heritage, history of philosophy.

Проблема сохранения историко-культурного наследия в свете экологического подхода к ее решению может быть раскрыта многогранно и разносторонне [2, 4]. Наряду с введением в философский дискурс незаслуженно оставшихся в тени философских имен и течений, весьма важным является выявление принадлежности воззрений того и ли иного философа к определенному направлению философской мысли. В настоящей статье анализируются воззрения Винсенты Лютославского с целью определить, являлся ли он представителем философской школы Юрьевского университета, субъективно-идеалистического направления русской философии конца XIX – начала XX вв.

Философская школа Юрьевского университета была школой классического античного типа [1], когда вокруг авторитетного мыслителя, в

данном случае, профессора Густава Тейхмюллера, формировался круг учеников и последователей, развивавших взгляды своего учителя и наставника [5, 7, 8]. В. Лютославский написал и защитил магистерскую диссертацию под руководством Тейхмюллера. Тематика трудов Лютославского, как во время обучения в университете, так и впоследствии, - учение о душе, сознании, человеке, - соответствовала проблемам, изучаемым другими представителями российской субъективно-идеалистической философии, развивавшим в своем творчестве идеи Г.Тейхмюллера, и, как и другой его известный ученик и последователь, Е.А.Бобров [6], В. Лютославский с 1890 по 1893 г. работал приват-доцентом в Казанском университете. В свете вышеизложенного логично было бы предположить, что философские воззрения Лютославского принадлежали философской школе Юрьевского университета.

Винсенты Лютославский родился в Варшаве в 1863 г. Он поступил в Юрьевский университет в 1883 году и учился под руководством Тейхмюллера, который уделял ему много внимания. Как пишет сам Тейхмюллер: «Затем возьмем Лютославского с его магистерской работой, которую я строчка за строчкой прошел почти с ним, так как много времени это требует». Однако Лютославский, очевидно, слишком необдуманно подошел к серьезному и основательно мыслящему Тейхмюллеру. На смертном одре Тейхмюллер написал: «Лютославским я вовсе не доволен и едва ли вижу его. Он, к сожалению, ни золото, ни бронза»» [12, с.37].

Лютославский не отрицал определенного влияния воззрений Тейхмюллера на свои философские взгляды. Так, в 1897 году в труде «Происхождение и развитие логики Платона», написанной на английском языке, он отмечает: «под влиянием Тейхмюллера автор десять лет назад написал свою первую работу о Платоне – “Erhaltung und Untergang der Staatsverfassungen, nach Plato, Aristoteles und Machiavelli”, Dorpat, 1887» [9, с.2]. После смерти Тейхмюллера Лютославский в 1890 году пишет статью о его творчестве.

Тем не менее, Винсенты Лютославский, поляк по национальности, не является представителем русской философии. Он написал единственную статью обзорного характера на русском языке, опубликованную в журнале «Вопросы философии и психологии» - «О значении и задачах истории философии». Его произведения впоследствии были написаны на польском («O logice Platona» (1891-1892), «O pierwszych trzech tetralogiach dzieł Platona» (1896), «Platon jako twórca idealizmu» (1899), «Rozwoi potegi woli» (1909)) - и др., немецком («Seelenmacht. Abriss einer zeitgemassen wektanschauung» (1899)) и английском («The world of souls» (1924), «Pre-existence and reincarnation» (1928), «The Ruthenian question in Galicia» (1919)) и др. языках. По окончании Юрьевского университета в 1885 г. он уехал в Париж изучать романские языки, в 1886 – учился в Лондоне. С 1890 по 1893 год Лютославский ненадолго вернулся в Россию и преподавал философию, логику и психологию в Казанском университете (в это время он и публикует статью в «Вопросах философии и психологии»), затем уехал оттуда путешествовать в США, затем в Испанию. С января 1900 года Лютославский начал преподавать в Кракове, но

не прошло и года, как он вынужден был уехать оттуда в Швейцарию из-за конфликта с австрийскими властями на почве своего польского национализма. В 1901-1902 Лютославский преподает в Женеве и Лозанне, затем опять работает в США, в 1919-1929 годах преподает в университете Стефана Батория в Вильно. С 1934 г. Лютославский вновь преподавал в Кракове, где и умер в 1954 г.

Основные принципы мировоззрения Лютославского весьма четко сформулировал польский автор Хенрик Сколимовский: «Он был одним из наиболее ярких примеров польских философов-мессианистов, который верил, что Польша была создана для того чтобы страдать и через это спасти мир»[11, с. 28].

Лютославский всегда подчеркивал свою принадлежность к польской нации, так, в уже упоминавшейся англоязычной работе о Платоне 1897 года в предисловии он пишет: «Может быть, будучи поляком, автор более беспристрастен, чем представители других наций, которые более активно изучают Платона» [9, с . viii]. Национальные польские вопросы Лютославский постоянно поднимает в своих работах, среди которых - «Wykłady Jagiellońskie» (I-II) (1901-1902), «The Polish nation» (1908), «Gdansk and East Prussia» (1919), «Lithuania and White Ruthenia» (1919), «The Ruthenian question in Galicia» (1919), «Bolshevism and Poland» (1919).

Таким образом, правомерно сделать вывод о том, что, несмотря на все предпосылки для этого, включая философские интересы, Лютославский не стал мыслителем философской школы Юрьевского университета, и его воззрения не должны рассматриваться в рамках этого философского направления.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры (философско-культурологический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Волгоград, 2003
2. Баркова Э.В. Творческая природа человека как проблема реконструктивной философской антропологии // Общество и человек. 2014. № 2 (8). С. 121-127.
3. Бузская О.М. Человек в пространстве социальных коммуникаций // В сборнике: Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании Под редакцией С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2013. С. 48-52.
4. Бузская О.М. Гуманитарная экспертиза как технология развития экологии бизнес-коммуникаций // В сборнике: Современные ориентации общества и культуры сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 47-50.
5. Ивлева М.И. Концепция онтологического статуса субъекта в университетской философии в России в конце XIX - начале XX в // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 8. С. 28-35.
6. Ивлева М.И. // О понятии бытия в философии Е.А. Боброва // История

- философии. 1999. № 4. С. 199.
7. Ивлева М.И. Университетская спиритуалистическая философия: концепция философского образования в трудах Е.А. Боброва // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. С. 124-138.
 8. Ивлева М.И. Философская школа Юрьевского университета и ее место в российской философской культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 4. С. 35-40.
 9. Lutoslawski W. The origin and growth of Plato's logic with an account of Plato's style and of the chronology of his writings. – Longman, Green & Co, London? New York and Bombay. – 1897.
 10. Mollenhauer B. Lutoslawski and the Knight among the Nations // The American Slavic and East European Review, 1954, № 13, pp.245-251
 11. Skolimowski H. Polish Analytical Philosophy: A Survey and a Comparison with British Analytical Philosophy. London, Routledge & Kegan, 1967, p.28
 12. Schwenke H. Zurück zur Wirklichkeit. Bewusstsein und Erkenntnis bei Gustav Teichmüller. Schwabe verlag Basel, 2006

УДК 94

Приходько А.В. Французские утописты XVIII века о проблеме мотивации к труду в уравнивательных обществах

The French utopians of XVIII century about a problem of motivation to the labor in equalizing societies

Приходько Артём Викторович
НГПУ им. К. Минина, г. Н. Новгород
r-tempri@mail.ru

Prikhodko Artem Victorovich
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Аннотация: Целью статьи является анализ воззрений французских утопистов XVIII века по проблеме мотивации к труду в уравнивательных и ранних коммунистических обществах. Методы исследования – описательный и сравнительный. Источники исследования – сочинения Ж.-Ж. Руссо, Г. Мабли, Г. Бабёфа и Ф. Буонарроти. На основе их изучения установлено, что проблема мотивации к труду в уравнивательных обществах казалась этим утопистам несущественной. Мотивация к труду должна была повышаться внеэкономическим способом.

Ключевые слова: утописты, социальная утопия, просветители, «заговор равных», Руссо, Мабли, эгалитаризм, ранний коммунизм.

Abstract: The purpose of the article is an analysis of opinions of French utopians of XVIII century about a problem of motivation to the labor in equalizing and early communism societies. Methods of the research are descriptive and comparative. Sources of the research are works of Rousseau, Mably, Babeuf and Buonarroti. On the basis of study, it was determined that the problem of the motivation to the labor in equalizing and early communism societies was seemed to them unessential. Only a noneconomic method had to increase the motivation to the labor.

Keywords: utopians, social Utopia, Enlighteners, Conspiracy of Equals, Rousseau, Mably, egalitarianism, early communism.

Социальные эксперименты построения социалистических и уравнилельных обществ в XX веке выявили важную проблему поднятия мотивации к труду в таких обществах. Перед руководством этих стран всегда стояла важная проблема повышения производительности труда, заинтересованности рабочих и крестьян в нём. Эту проблему пытались решить по-разному, но было, в общем счёте, лишь два способа: экономический способ поощрения труда (прибавка к зарплате, экономическое поощрение и т.п.) и внеэкономический способ поощрения труда, т.е. «моральный» призыв к труду, культивирование труда в обществе. Второй способ был более экстенсивным, но и более предпочтительным для официальной идеологии, т.к. экономический способ поощрения труда состоял из «буржуазных» составляющих и предполагал на практике меры в духе советского НЭПа, которые мало привлекали руководство. Путь внеэкономического поощрения труда предполагал планомерное и долгосрочное воспитание, воспитание в духе советского «Морального кодекса строителя коммунизма» нового типа людей, у которых бы отсутствовало стремление к наживе и накопительству и которые бы были искренне проникнуты идеалами мирного «социалистического соревнования» и коммунистической идеологии в целом.

Хотя на практике в истории до появления социалистических государств в XX в. проблема повышения мотивации к труду в уравнилельных обществах ещё не встречалась, в теории она уже ставилась и обдумывались ранее, например, французскими эгалитаристами и ранними коммунистами XVIII века. Вопросу о том, как осознавалась и решалась ими эта проблема и посвящена данная работа. Следует остановиться на трудах некоторых французских мыслителей XVIII века: Ж.-Ж. Руссо, Г.Б. Мабли и бабувистов (Г. Бабёф и Ф. Буонарроти). Этот выбор не случаен: идеи Руссо и Мабли оказали значительное влияние на формирование мировоззрения бабувистов.

Жан-Жак Руссо (1712-1778 гг.), известнейший французский просветитель, не был утопистом в прямом смысле этого слова, но его философии и многим его работам присущи утопические и эгалитарные мотивы. Наиболее яркая из таких работ – это «Проект конституции для Корсики» (1765 г.), которая, несмотря на свою незаконченность и некоторую противоречивость, интересна тем, что в ней философ изложил свои самые заветные эгалитарные и социально-уравнилельные чаяния.

Основной принцип построения нового корсиканского общества в этом проекте – это правовое и экономическое равенство. Экономически оно выражалось так: «дело не в том, что нужно уничтожить собственность частных лиц, потому что это невозможно, но в том, чтобы заключить её в более тесные пределы, дать ей меру, принципы, узду, которая бы её сдерживала, направляла, ограничивала её рост и которая бы держала её всегда в подчинении по отношению к общественному достоянию». Поэтому «нужно, чтобы все имели средства к существованию и чтобы никто не обогащался» [4, с. 278, 284].

Основа экономики – земледелие, а лучший гражданин для Руссо – это самостоятельный земледелец. К торговле и промышленности Руссо относится отрицательно, ремесло должно быть ограничено производством лишь самого необходимого [4, с. 260, 263, 273-274, 280-281]. Деньги желательно отменить и обходиться без них. Предусматриваются законы против роскоши, которые должны были быть «более всего строгими для первых людей в Государстве» и менее строгими «для более низких ступеней». Руссо хочет установить земельный максимум, сверх которого нельзя было иметь больше. Экономика носит централизованный характер – предусматривалось создание общественных складов продуктов питания или общественных реестров, в которые корсиканцы должны были сдавать в качестве налогов продукты земледелия (налоги деньгами отменялись). «Общественное управление» каждой провинции должно было вести учёт поступивших продуктов, учитывать нехватки, регулировать их обмен и распределение. Торговля продуктами, при посредничестве государства, должна была превратиться в натуральный обмен без помощи денег. Но постепенно торговля и обмен должны были изо дня в день уменьшаться и «свестись в конце концов к чему-то весьма незначительному». «Это – конечная цель, которую должно перед собой поставить» [4, с. 276-278, 287]. Таким образом, идеал Руссо – это экономическая и политическая автаркия как самой Корсики, так и каждой корсиканской семьи [4, с. 259-260, 278].

Руссо предвидит возможные возражения на его систему, но у него готов и целый ряд аргументов в пользу его системы и в пользу того, что люди не погрузятся в лень при таком строе. Следует привести их. Как пишет Руссо, внутреннее устройство общества будет направлено к тому, чтобы «сделать это состояние счастливым при всей его незначительности, уважаемым при всей его простоте. Обеспечивая удовлетворение всех жизненных потребностей, доставляя все средства приобрести уважение, средства уплаты всех общественных податей, без продажи и торговли, такое внутреннее устройство делает невозможную даже мысль о каком-либо ином, превосходящем его. Те, кто будут пребывать в этом состоянии, не видя ничего, что стояло бы выше их, будут этим своим состоянием гордиться; пролагая себе, таким образом, путь к более высоким должностям, они будут нести труды, связанные с этим положением, так же как первые римляне. Не будучи в силах выйти из этого состояния, люди захотят в нём отличиться, захотят нести связанные с ним труды лучше, чем другие люди: собирать большие урожаи, поставлять большую долю Государству, заслужить на выборах признание народа.

Многочисленные семейства будут хорошо питаться, хорошо одеваться и воздадут за это честь правителям; и так как единственный смысл роскоши – в действительном изобилии, то каждый захочет отличаться такой роскошью. Пока сердце человеческое будет тем, что оно есть, подобные установления не будут приводить к нерадивости» [4, с. 279].

Итак, Руссо считает, что у людей будет существовать мотивация к труду при таком строе в силу того, что, во-первых, они будут стремиться сохранить своё простое, но в то же время самодостаточное (автаркичное), независимое от внешних условий и торговли экономическое положение. У них не могла бы даже появиться мысль о каком-либо ином строе, превосходящем данное. Довольно странно, однако, что по мысли Руссо у людей будет появляться желание работать сверх меры и больше, чем остальные граждане. Для чего им это будет нужно, если они никогда не будут в силах изменить своё экономическое положение? Неужели только для того, чтобы гордиться собой или чтобы «заслужить на выборах признание народа»? Но ведь и победа на выборах на общественные должности не даёт никаких преимуществ.

Чтобы ответить на эти вопросы, не стоит забывать, о том, что социальная утопия Руссо – это типичная морализирующая утопия Просвещения. Это, на наш взгляд, объясняет всю или почти всю аргументацию мыслителя. Поэтому не случайно то, что Руссо ставит в качестве объекта подражания корсиканцам «первых римлян», которых просветители любили всячески превозносить и идеализировать, наделяя их всевозможными гражданскими и республиканскими добродетелями. Морализирующая мысль Руссо объясняет, на наш взгляд, и другие патетические суждения мыслителя: «для того, чтобы пробудить какую-либо нацию к деятельности, её нужно увлечь великими надеждами, возвышенными желаниями, высокими положительными побудителями к действию»; «Сделайте так, чтобы труд давал гражданам большие выгоды и преимущества, представляющиеся таковыми не только вам, но и им; тогда вы непременно сделаете их трудолюбивыми; Среди этих выгод и преимуществ богатство отнюдь не является всегда наиболее привлекательным» [4, с. 289-290]. Что же является, по Руссо, такой выгодой? Это власть. Идея мыслителя состоит в том, чтобы поощрять трудолюбие земледельцев назначением на управленческие должности [4, с. 291-292].

Итак, основа аргументации Руссо – это «моральный» призыв к труду, перевоспитание населения в духе любви к простоте и почета к труду. Нужно приучить население любить труд, но не для того, чтобы обогатиться, а для того, «чтобы можно было хвалиться простотою своего обихода» [4, с. 288].

Габриель Бонно де Мабли (1709-1785 гг.) был известным французским философом-просветителем, историком и автором многих работ по международному праву. К анализу человеческого общества, его истории и социально-политических вопросов он подходит с моральным критерием. Его философии свойственны морализирующие и аскетические тенденции.

Идеал Мабли – это республика, в которой «все богаты, все бедны, все равны, все свободны, все братья и где первым законом было бы запрещение владеть собственностью» [3, с. 313]. Словом, Мабли желает государства с

общностью имуществ, в котором бы люди сдавали продукты своего труда в «общественные магазины», а эконоы распределяли бы их потом «соответственно потребности каждого». В таком обществе предполагалось отсутствие любых отличий между людьми – как правовых, так и имущественных. Республику Мабли можно также охарактеризовать как типичную морализирующую утопию Просвещения, внимание которой заострено на развитии и поощрении гражданских и республиканских добродетелей в духе идеализированной в уравнительном смысле античности. Экономика такой республики – это сверхцентрализованная система автаркии с общностью имуществ и отсутствием частной собственности у граждан. Основа же хозяйства в ней – это земледелие. Промышленности и торговли нет места, а ремесло ограничено производством лишь самого необходимого.

Что думал Мабли по интересующей нас проблеме? Он предвидит возможную проблему отсутствия заинтересованности производителей в труде в уравнительном обществе, в котором нет и не может быть имущественных отличий между людьми: «зачем они станут работать? Никто не будет стараться обработать землю, и поля в руках тех, кто не одушевлён интересом собственности, будут давать скудные урожаи, ибо никто не работает для другого с таким же усердием, как для себя». Но у Мабли готовы возражения на этот счёт. По его мнению, общность имуществ не повергнет людей в состояние оцепенения. Наоборот, именно частная собственность принесла с собой в мир безделье и праздность [3, с. 173]. Мабли не может допустить мысли, «что людям нужно быть жадными и скупыми, чтобы земля была хорошо обработана». Земледелец будет усердно трудиться и работать, «если законы сумеют воздать его труду почёт и славу». Этот довод о поощрении труда общественным почётом и одобрением становится основой аргументации философа: «почему же общность имущества не может создать героев? Мы деятельны и трудолюбивы из жадности; сообразуясь с намерениями природы, мы будем ими по долгу, чтобы избежать презрения и испытать удовольствие, которое нам даёт оказываемое нам уважение». Мабли верит, что «любовь к отличиям, к славе и уважению» произведёт больше действия, чем жажда собственности и жадность. Он считает вполне реальным существование такой республики, в которой «законы поощряют граждан к труду и где общественные владения дороги каждому отдельному лицу». Именно такое положение дел, по мнению Мабли «должно привести к наибольшему плодородию и наибольшему изобилию» [3, с. 100-102, 173-174].

В его уравнительном государстве, в котором труд окружён всеобщим почётом, трудовое соревнование между людьми находилось бы «в справедливых границах». Почему? Потому что равенство между людьми «должно принести все блага, потому что оно объединяет всех людей, возвышает их душу и воспитывает их в чувствах взаимного доброжелательства и дружбы». «Уничтожьте равенство, и тотчас соревнование превратится в зависть и ревность, потому что цели его не будут честными» [3, с. 74]. Трудовое соревнование между гражданами Мабли собирался поддерживать наградами, однако он не уточняет какими конкретно, но, судя по всему, они

должны были быть нематериальными [3, с. 314].

Таковы идеи Мабли. Для него также является основополагающим «моральный» призыв к труду.

Графх Бабёф (1760-1797 гг.) и Филипп Буонарроти (1761-1837 гг.) были лидерами «заговора равных» (бабувистами) во время Великой французской революции. Большое влияние на формирование их взглядов оказали, как уже говорилось, идеи Руссо и Мабли. Сама формула общества «совершенного равенства» была заимствована Бабёфом у последнего. Бабувисты выступали за создание Республики «равных», в которой предполагалось упразднить частную собственность, деньги и различия между людьми, ввести общий труд, «общее пользование его плодами», одинаковое образование, одинаковую пищу, одежду и т.п. среди её членов [2, с. 134 -136, 214, 217-219, 296-314]. Одним словом, их идея заключалась в создании общества абсолютного равенства, в котором люди не могли бы стать богаче, чем остальные и ничем не могли бы отличаться по снабжению от других. У всех без исключения было бы равное и скромное обеспечение всем необходимым, и никто не стремился бы к большему. Страсть к наживе и накопительству должна была отсутствовать. Экономика Республики «равных» сверхцентрализованная. Её основа – земледелие и ремесленное производство самого необходимого, частной торговли не существует, она находится в монополии у государства. Как мыслили бабувисты организацию труда и заинтересованность в нём в таком государстве?

В Республике «равных» предполагалось создать целый культ труда. Само равенство, по мнению Буонарроти, покоится на двух существенных условиях: общий труд и общее пользование его плодами. Без труда ассоциация бы погибла. В связи с этим в ней осуждалась праздность : «никто не может избежать труда , не совершая преступления» [2, с . 144], – пишет Буонарроти. Действительно, бабувисты хотели установить в Республике «равных» уголовную ответственность за тунеядство [1, с. 404].

По мнению Буонарроти, сделав труд общеобязательным и распределив его равномерно между всеми членами ассоциации, он перестал бы быть столь обременительным как раньше и превратился бы в источник удовольствия, наслаждения и развлечения. Общий труд предполагал и общее пользование его плодами, поэтому в Республике «равных» «самые разнообразные произведения труда всех людей будут принадлежать всей массе народа, которая распределит их затем в интересах наибольшего блага каждого человека». При таком положении дел были бы искоренены алчность, зависть, хитрость, недоверия, жадные «стремления к накоплению на будущее» и люди действительно стали бы братьями, «сугубо заинтересованными в сохранении строя, приносящего всем счастье» [2, с. 218, 223]. Таким образом, по мнению Буонарроти, несмотря на то, что в Республике «равных» добиться каких-либо материальных отличий от других людей было нельзя, в ней всё равно существовала бы заинтересованность людей в труде. Эгоизм перестал бы быть «более побудительной причиной деятельности и труда отдельных лиц», а экономическая конкуренция уступила бы месту высоким моральным принципам и чувству долга у людей. Само желание сохранить существующий

строй, приносящий всем необходимый достаток, подвигало бы в равной мере всех людей на труд. Буонарроти считает, что миллионы неимущих и малоимущих французов, которые в настоящее время трудятся «до истощения ради ничтожного вознаграждения», будут согласны «трудиться немного и получать много». Ведь Республика «равных», по мысли Буонарроти, должна была превратить труд в общеобязательное, «кратковременное ежедневное занятие», но которое было бы равномерным, приятным и привлекательным, от которого ни у кого не было бы желания и заинтересованности уклоняться [2, с. 220].

В Республике «равных» культ труда должен был формироваться с детства: Буонарроти говорит о намерении «учредить общественные воспитательные дома, в которых каждому человеку будут прививаться навыки к труду» [2, с. 219]. Несомненно, именно «правильным» воспитанием «равные» надеялись избежать возможной лени людей. Им же были бы подавлены все алчные и эгоистические стремления членов общества.

Необходимо подвести итоги. Хотя французские утописты XVIII века задумывались о проблеме мотивации к труду у производителей в уравнилельных и коммунистических обществах, однако они не считали её существенной : им казалось, что как таковой её не будет или же преодолеть её будет весьма просто. Мотивация к труду должна была основываться на стремлении людей сохранить существующее справедливое общество равенства, а повышаться она должна была только средствами внеэкономического побуждения : нематериальными наградами, уголовной ответственностью за тунеядство, назначением на государственные должности (у Руссо) и т.п. Однако самым главным должен был быть экстенсивный путь: развитие культа труда и воспитание трудолюбивых работников. Возможность достижения и получения производителями каких-либо материальных отличий, которые бы нарушили общественное равенство, полностью исключалась.

Таковы были взгляды французских утопистов XVIII века на проблему заинтересованности производителей в труде, которая казалась им в уравнилельных обществах весьма надуманной. На деле всё, однако, оказалось сложнее, что показала история многих социалистических государств в XX веке. Но можно ли обвинять французских утопистов в отсутствии прозорливости? Очевидно, что нет. Важно помнить, что их историческая среда – это Франция XVIII века, в которой «люди праздные пользуются всем и порабощают, унижают и третируют людей, которые , делая всё, не имеют почти ничего» [2, с. 221], в которой «в то время как одна часть граждан тупеет от нищеты, другая тупеет от изобилия» [3, с. 103]. Действительно, подавляющая часть населения, третье сословие, было практически полностью бесправным и находилось в ужасном экономическом положении, поэтому подобные уравнилельные предложения и проекты утопистов действительно могли бы встретить одобрение бедняков. В связи с этим утописты стремились решить в первую очередь проблему экономического дисбаланса в обществе , остро ощущавшуюся во Франции на протяжении XVIII в., а не проблему развития производительных сил и мотивации к труду.

Идеи французских утопистов (и особенно бабувистов) ключевым образом повлияли на утопическую и социалистическую мысль XIX века.

Библиографический список

1. Бабеф Г. Собрание сочинений в 4 тт. М., 1976-1982. Т. 3.
2. Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. Т. II. М., 1963.
3. Мабли Г. Избранные произведения / Пер. с франц. и комм. Ф.Б. Шуваевой. М.; Л., 1950.
4. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 001.38

Бичарова М.М., Фролова Ю.С. Использование опыта НКО в научном фандрайзинге

Use of NPE experience in scientific fundraising

Бичарова Мария Михайловна

Каспийский институт морского и речного транспорта, Астрахань
valkirija@inbox.ru

Фролова Юлия Сергеевна

Каспийский институт морского и речного транспорта, Астрахань
usfro@mail.ru

Bicharova Mariya Michailovna

Caspian Institute of Sea & River Transport, Astrakhan

Frolova Julia Sergeevna

Caspian Institute of Sea & River Transport, Astrakhan

Аннотация. В настоящей работе рассматривается деятельность высшей школы через призму ее финансового положения и усилий по привлечению средств. Предпринимается попытка рассмотреть возможность использования опыта реализации основные фандрайзинговых мероприятий, применяемых российскими НКО, в деятельности высшего образовательного учреждения для поддержки развития научно-исследовательской работы. В частности, рассматриваются маркетинговые инструменты фандрайзинга, оказывающие положительное влияние на результативность фандрайзинга и объем привлеченного финансирования.

Ключевые слова: университет, научная деятельность, фандрайзинг, маркетинговые инструменты, эффективность науки, конкурентоспособность

Abstract. The given article studies the activity of high school within the frameworks of its financial state and efforts to attract sources. An attempt to consider the possibility to use the experience of realization of main fundraising measures applied by Russian non-commercial enterprises in the activity of higher educational establishment for maintenance and development of its scientific work is made. In particular, some marketing instruments of fundraising having positive influence on the effectiveness of fundraising and the volume of attracted sources is observed.

Keywords: university, scientific activity, fundraising, marketing instruments, science effectiveness, competitiveness

Важным сектором науки и прогресса в любой стране выступает высшая школа, где генерируются новые научные знания [7, с. 121]. Можно легко соотнести ситуацию в национальной экономике отдельного государства с социально-экономической системой любого высшего учебного заведения в нем. Отдельно взятый вуз, как микромодель, и система высшего образования в целом, как модель, отражают уровень развития научного потенциала всей страны. Именно поэтому к высшей школе сегодня предъявляются довольно высокие требования в отношении качества проводимых исследований и эффективности научной деятельности ее ученых.

Как в научно-исследовательских организациях, так и в высших образовательных учреждениях наука функционирует как один из важнейших социальных институтов. Результаты научной деятельности в виде публикаций и объектов интеллектуальной собственности с одной стороны, превращаются в достояние общественности, а с другой – предстают индикатором успешности отдельного ученого, коллектива, подразделения и организации в целом.

Научно-исследовательская составляющая в российских университетах, тем не менее, «остаётся второстепенной по сравнению с образовательной компонентой, что выражается в структуре кадрового потенциала и объемах финансирования образовательной и научной деятельности. При этом следует отметить, что средства, зарабатываемые вузами за счет оказания образовательных услуг на договорной основе, в недостаточной степени инвестируются в развитие научной деятельности, успешность осуществления которой является фактором конкурентоспособности образовательных услуг» [6].

Вступая в конкурентную борьбу с другими университетами, любой вуз неизбежно сталкивается с вопросом финансирования научно-исследовательской деятельности, и этот вопрос на сегодня, пожалуй стоит наиболее остро.

В настоящей работе рассматривается деятельность высшей школы через призму ее финансового положения и усилий по привлечению средств. Предпринимается попытка рассмотреть возможность использовать опыт реализации основные фандрайзинговых мероприятий, применяемых российскими НКО, в деятельности высшего образовательного учреждения для поддержки развития научно-исследовательской деятельности. В частности,

рассматриваются маркетинговые инструменты фандрайзинга, оказывающие положительное влияние на результативность фандрайзинга и объем привлеченного финансирования.

Недостаток ресурсов заставляет вузы, как и НКО, заниматься поиском дополнительных источников финансирования, в связи с чем все большее значение приобретает фандрайзинг – деятельность по привлечению ресурсов индивидов и организаций (финансовых, интеллектуальных, кадровых, временных, материально-технических и других) на реализацию научных проектов и программ. Дословно слово «фандрайзинг», происходящее от английского fundraising (to raise funds), переводится как увеличение ресурсов, сбор денежных средств. В. Лозовану и О. Маноле приводят следующие цели фандрайзинга в некоммерческой организации [3]:

- получение необходимых ресурсов и удовлетворение дарителя;
- достижение целей организации и реализация ее программ;
- возможность открыто заявить о себе и информировать о своих целях;
- приобретение новых партнеров и друзей;
- укрепление благополучия общества в целом.

Вышеуказанные цели вполне могут коррелировать с целями научно-исследовательской деятельности университета, который также, как и НКО, в условиях жесткой конкуренции на образовательном рынке необходимо реализовывать целый ряд образовательных и научных мероприятий и программ, заявлять о себе в системе образования и работать на благо развития общества. Для большинства российских вузов, однако, не имеющих большого числа источников финансирования, это сравнительно новое направление деятельности.

Восполнить недостаток знаний о технологиях фандрайзинга может помочь успешный опыт НКО в этой сфере деятельности. Применение принципов маркетинга для успешной фандрайзинговой деятельности НКО сегодня признается зарубежными экспертами необходимым условием обеспечения финансовой устойчивости организаций некоммерческого сектора. Интернет ресурс (Investopedia) поясняет, что некоммерческая организация может точно таким же образом подходить к маркетингу, как и коммерческая компания: определить свою целевую аудиторию, разработать маркетинговые материалы и сформулировать цели маркетинговой кампании [4, с. 165]. В прошлом многие руководители НКО полагали, что могут пренебрегать такими реалиями рынка, как конкуренция, анализ рынка, продвижение продукта, в силу того, что деятельность их организаций служит высоким общественным целям, на благо общества.

Однако такой подход непозволительная роскошь сегодня, когда все большее число организаций претендует на ограниченные ресурсы. В западных исследованиях существует довольно длительная традиция обсуждения роли и места маркетинговых инструментов в фандрайзинге НКО. В 1969 году Ф. Котлер и С. Леви одними из первых обосновали расширение понимания коммерческого маркетинга и применение его к деятельности организаций общественно-полезного профиля, введя понятие «организационного

маркетинга» в отличие от традиционного коммерческого маркетинга. По мнению авторов, дилемма, стоящая перед менеджерами некоммерческого сектора, заключается уже не в том, использовать в своей работе маркетинг или нет, а в том, применять ли маркетинг эффективно или нет [Цит. по 4, с. 165].

Спустя десять лет М. Ротшильд отмечает, что хотя маркетинговый подход все более широко применяется за пределами коммерческого сектора, перенос принципов маркетинга из бизнеса в некоммерческий сектор оказывается гораздо более сложным, чем представлялось изначально. Он приходит к выводу о сложности эффективного применения принципов маркетинга для нужд некоммерческого сектора в силу принципиальных различий в характере продукта (продукт, предлагаемый некоммерческими организациями часто имеет «неосязаемый», нематериальный характер); ценообразовании (продукты/ услуги, предлагаемые некоммерческими организациями, имеют неденежную стоимость, трудно поддающуюся оценке); уровне вовлеченности или интереса потребителя к продвигаемым продуктам/услугам и возможности сегментирования потребительского рынка [Цит. по 4, с. 165].

В основе маркетингового подхода к фандрайзингу в НКО организации лежит концепция маркетинговой ориентации, как и многие другие подходы, заимствованная из коммерческого сектора и операционализованный А. Коли и Б. Яворски [9]. В своем подходе А. Коли и Б. Яворски характеризуют маркетинговую ориентацию, как процесс, предусматривающий сбор информации (рыночный интеллект, знание о рынке), распространение информации и ответную реакцию, предусматривающую планирование и реализацию маркетинговых программ.

Первый компонент маркетингового подхода к фандрайзингу это сбор информации. Он предполагает аккумулирование информации о донорах, их нуждах, потребностях, предпочтениях, ценностях, мотивах и требует проведения специальных исследований. Второй компонент маркетингового подхода к фандрайзингу – распространение информации о донорах, конкурентах, партнерах, факторах внешней среды между сотрудниками и / или подразделениями некоммерческой организации - предусматривает: налаженные процедуры обмена и распространения информации, распространение внутри организации отчетов, бюллетеней, дайджестов, буклетов, проведение регулярных мероприятий (например, совещаний, семинаров, тренингов) для сотрудников.

Третий компонент маркетингового подхода к фандрайзингу – ответная реакция –представляет собой согласованные ответные действия, предпринимаемые некоммерческой организацией на основе полученной информации, и предусматривает применение различных маркетинговых инструментов, в том числе таких, как: сегментация доноров и выбор целевых сегментов, разработка стратегии позиционирования, разработка конкурентной стратегии, разработка комплекса маркетинга для каждого из выбранных сегментов, разработка и продвижение бренда НКО, ее проектов и программ.

Остановимся подробнее на некоторых маркетинговых инструментах.

Одним из эффективных маркетинговых инструментов фандрайзинга в НКО является сегментация доноров, которая представляет собой процесс разделения реальных и потенциальных доноров на группы (сегменты), обладающие схожими характеристиками: потребностями, предпочтениями, ценностями, особенностями поведения [1]. С помощью сегментации некоммерческая организация может оптимизировать ресурсы благодаря концентрации на высокоэффективных сегментах доноров, унифицировать работу с донорами и повысить уровень удовлетворенности доноров за счет более точного соответствия предложения НКО (продукта, услуги, проекта, программы) их потребностям, повысить конкурентоспособность предложения и деятельности НКО в целом [2, с. 24].

Помочь некоммерческим организациям привлечь больше средств может и маркетинговая деятельность, направленная на разработку и продвижение бренда некоммерческой организации или проекта или программы. Джейн Хадсон приводит три причины положительного влияния хорошо выстроенного бренда некоммерческой организации на объемы привлеченных донорских средств [Цит. по 4, с. 168].

- положительный имидж НКО /программы/проекта дает возможность опираться на известное и вызывающее положительные эмоции имя (имидж организации) при первом обращении к потенциальному донору;

- бренд позволяет сформировать индивидуальное, личностное отношение к организации, и в этом смысле влияние бренда весьма схоже с влиянием личных контактов, адресных писем, рекомендаций знакомых и создает основу для эмоционального доверия к организации;

- бренд выступает репутационной страховкой для некоммерческой деятельности и может способствовать исправлению ситуации при краткосрочных финансовых или организационных трудностях. Даже при снижении социальной активности, бренд некоммерческой организации будет поддерживать ее репутацию.

По мнению руководителей российских НКО, положительный имидж и широкая информированность о проектах НКО не только являются залогом успеха ее дальнейшей деятельности, но и способствуют воспитанию у российских граждан культуры благотворительности [Цит. по 4, с.169].

Помимо всего вышеперечисленного маркетинговый подход к фандрайзингу в НКО предусматривает разработку комплекса маркетинга - набора инструментов, с помощью которых некоммерческая организация, используя различные маркетинговые подходы и инструменты, может вызывать интерес, привлекать и удерживать потенциальных доноров для реализации определенных проектов и программ. Традиционно комплекс маркетинг, который был впервые определен Дж. Маккарти состоит из четырех элементов: продукт (product), цена (price), продвижение (promotion) и место (place) [10].

Впоследствии данная модель претерпевала многочисленные изменения и дополнения в виде еще трех элементов: люди (people), процесс (process) и материальную среду (physical evidence) [8].

Выбор конкретных маркетинговых инструментов зависит от направления

деятельности, целей, стратегий, реальных возможностей организации [1].

Результативность фандрайзинга оценивается суммарным объемом оперативных доходов организации в денежной форме, полученных из различных внешних источников финансирования, причем учитываются только привлеченные источники финансирования.

Итак, многие организации, в том числе в секторе высшего образования уже успешно пользуются различными вариантами применения маркетинга и маркетинговых подходов к фандрайзингу. Что касается первого компонента, сбора информации о донорах, очевидно, что прежде необходимо изучать потребности, предпочтения, ожидания потенциальных доноров и выяснять, какие проекты и программы доноры заинтересованы поддерживать в будущем, оценивать уровень удовлетворенности доноров участием в определенном проекте/ программе. Отслеживание изменения во внешней среде (законодательство, конкуренция, новые информационные технологии, научные тренды и тенденции развития, инновации) и изучение практик и подходов к сбору средств других организаций также немаловажно. Что касается второго компонента, распространения информации, выяснилось, необходимо иметь налаженные процедуры обмена и распространения информации, регулярно проводить совещания сотрудников, на которых обсуждаются возможности поиска новых источников финансирования, а также налаживать сотрудничество с другими организациями, работающие по тому же направлению. И, наконец, в рамках третьего компонента - ответной реакции, необходимо регулярно информировать основных заинтересованных лиц о своей деятельности, заниматься продвижением своих проектов/программ и предпринимать шаги для создания положительного имиджа организации и ее проектов.

Библиографический список

1. Корнеева И.Е. Маркетинговый подход к фандрайзингу: теоретическое обоснование // *Маркетинг в России и за рубежом*. № 2. 2016. С. 23-27.
2. Корнеева И.Е. Сегментация доноров как эффективный инструмент фандрайзинга в НКО // *Гражданское общество в России и за рубежом*. № 4. 2014. С. 23-24.
3. Лозовану В., Маноле О. Фандрайзинг: руководство для неправительственных организаций /Asoc. Promo-LEX. 2011
4. Мерсиянова И. В., Иванова Н. В., Корнеева И. Е. Фандрайзинг как фактор устойчивого функционирования некоммерческого сектора // *Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. Менеджмент*. 2015. Вып. 1. С. 151-180.
5. Роль маркетинга и практика применения маркетинговых подходов в деятельности НКО. Отчет по результатам исследования/ Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ. И.В. Мерсиянова (рук.), М.В. Власова, Д.М. Рогозин. М.: ГУ-ВШЭ, 2011
6. Сергеев В. Система финансирования науки и проблема креативности // "Компьютерра" № 16, 2002 Режим доступа: <http://iir0.mephi.ru/library/Computerra/2002/441/17635/index.html>
7. Солодников В.В. Проблемы научно-исследовательской деятельности в вузах. // *Социологические исследования*. 2006. № 11. С. 120-124.

8. Booms B., Bitner M. Marketing Strategies and Organisation Structures for Service Firms', In Marketing of Services: 1981 Special Educators' Conference Proceedings, James Donnelly and William George, (Eds), Chicago, American Marketing Association 1981. P. 46-51
9. Kohli, A. K., Jaworski, B. J. (1990). Market orientation: The construct, research
10. McCarthy E.J. Basic marketing: A managerial approach. 3rd ed. Homewood, Ill: Richard D. Irwin, Inc., 1968

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 172

Григорян А.Э. Ситуационно-центрированный подход к исследованию социального проектирования

Situation-centered approach to the research of social design

Григорян Армине Эдуардовна

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва grigarm7@yandex.ru

Grigoryan Armine Eduardovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. Данная статья раскрывает особенности ситуационно-ориентированного и человеко-центрированного проектирования в социальной среде. Область социального проектирования сегодня способна принимать новые методы и практики и одновременно трансформировать подходы, востребованные в процессах проектирования социальных ситуаций. Холистическое понимание имеет в этой связи важное значение для обеспечения устойчивости и эффективности инициатив социального проектирования.

Ключевые слова: социальное проектирование, ситуационно-ориентированное проектирование, человеко-центрированное проектирование, социальная среда.

Abstract. This article reveals the features of situation-oriented and human-centered design in the social environment. The area of social design today is capable of receiving the new, the most appropriate methods and practices, and at the same time transform the methods that are not suitable for the design of social situations. Holistic understanding is in this context is essential to ensure the sustainability and efficiency of social planning initiatives.

Keywords: social design, situation-oriented design, human-centered design, social environment.

Социальное проектирование в самом широком смысле, - это использование проектных технологий для выявления и разрешения социальных проблем. В настоящее время практика социального проектирования охватывает самые различные области: от разработки политических стратегий до систем информационных технологий (ИКТ). В дополнение к термину «социальное проектирование», существует целый ряд различных терминов для обозначения данного вида деятельности, в том числе: социальный дизайн, проектирование социальных инноваций, проектирование (или дизайн) социальных перемен, креативный «чейнж-мэйкинг», совместное проектирование, дизайн услуг, эмпатическое проектирование и человеко-центрированное проектирование. Данная статья будет использовать термин «социальное проектирование» для охвата всех аспектов проектирования применительно к социальной сфере с целью разрешения социальных проблем.

В работах исследователей технологий социального проектирования С.Л.Янцера и Л.С. Вайнштайн рассматриваются два подхода к пониманию социального проектирования: ситуационно-ориентированный и человеко-центрированный. Ситуационно-ориентированный подход объектом социального проекта признает общество, или социальную среду, в которой создаются некие ситуации, направленные на решение определенной социальной проблемы. В отличие от него, человеко-центрированный подход замкнут исключительно на единичном человеке, решая проблемы его связей, внутренних и внешних, с социальной средой.

Так, С.Л. Янцер отмечает, что «при разработке социальных ситуаций - к чему и стремится социальное проектирование, очевидно, требуется применение иных процессов и методологий исследования, чем при проектировании объектов». [1, с.329] Если специалисты по социальному дизайну стремятся создать благоприятные социальные изменения и действительно решать социальные проблемы, они должны понимать, что решения, предлагаемые «издалека», т.е. с позиции долгосрочных перспектив, должны координироваться с убеждениями, знаниями и перспективами людей, на которых влияют данные проблемы сейчас. В противном случае, проект не приживется в общественном сознании, будучи слишком абстрактным, либо чересчур некомфортным.

К примеру, в качестве проекта уменьшения деструктивного влияния на окружающую среду было предложено радикальное уменьшение производства и использования бытовых технологий: микроволновых печей, пылесосов и т.д. и замена их экологическими аналогами. Эти аналоги были никому неизвестными, не имеющие достаточной имиджевой и брендовой поддержки и с некачественным визуальным дизайном по сравнению с привычными инструментами и технологиями. Результат известен: проект не дожил даже до фазы начальной реализации.

Как только социальные проектировщики входят в социальную сферу,

переходя от проектирования объектов к проектированию социальных изменений, возникает необходимость разработки и развития этической социальной практики, реально подтверждающей свою перспективность. Область социального проектирования должна принимать новые, наиболее применимые и соответствующие методы и практики и одновременно трансформировать, даже игнорировать при необходимости, методы, которые не подходят для проектирования социальных ситуаций. Социальное проектирование при этом – считают С.Л. Янцер и Л.С. Вайнштайн - должно переориентировать свою теоретическую философию от традиционных человеко-центрируемых приоритетов (которые, как правило, являются объектно-ориентированными) к изменениям в сторону новых ситуационно-центрируемых (социально-ориентированных) приоритетов.

Для того, чтобы развивать такую ситуационно-центрируемую социальную практику, важно применять комплексный, междисциплинарный подход к пониманию человека, общества и социальной среды, в которой они существуют. Как отмечает бразильский педагог Пауло Фрейре в своей работе «Педагогика угнетенных»:

«Нельзя ожидать положительных результатов от образовательной или политической программы действий, не уважающей картину мира, в которой живет человек. Такая программа представляет собой культурное вторжение, несмотря на изначально свои добрые намерения». [2, с.95]

Холистическое, целостное понимание имеет в этой связи важное значение для обеспечения устойчивости и эффективности инициатив социального проектирования.

Проектирование должно расставлять приоритеты общественной собственности и всестороннего социального участия, чтобы обеспечить устойчивость будущего проекта и убедиться, что он достоверно воспринимается конечным пользователем. Проектные работы, применяемые в социальной сфере, должны быть совместными, культурно-актуальными, социально-применимыми и вдохновляющими, нежели навязанными и отчужденными. Кроме того, важно, чтобы соответствующие заинтересованные стороны и сообщества обладали экспертным и профессиональным правом голоса в конечном принятии решений, иначе социальные дизайнеры и их проекты рискуют быть, по меньшей мере, неэффективными, а в худшем случае иметь отрицательные эффекты.

Эдвард Саид подчеркнул в работе «Ориентализм», что «идеи, культуры и истории не могут быть по-настоящему поняты или изучены без учета их силы, а точнее их конфигурации влияния на текущую ситуацию» [3, с. 5] Такие намерения по изменению ситуативных элементов или ситуаций в целом должны развивать глубокое понимание различных базовых социальных факторов ситуации : ее экономики, социально-политического контекста, взглядов различных ее сторон и истории - то, что относится к «силе», или влиянию, по Саиду. Однако, настоящая социально-проектная ситуация показывает, что такой подход и понимание отчуждены от теории и практики.

Социально-центрированное проектирование обязательно содержит ту же

концентрированную приоритизацию на конечного пользователя, что и человеко-ориентированное проектирование. Тем не менее, сам «конечный пользователь» в ситуационно-ориентированном проектировании является социальной средой, состоящей в свою очередь из многих, часто разнообразных «конечных пользователей», а также тонких систем и структур, в которых они взаимодействуют между собой. Сдвиг такого мышления будет служить подтверждением сложности социальных пространств. Так, неизбежно, социальное изменение охватывает и затрагивает гораздо больше, чем человеческое взаимодействие с объектом.

Вызовы социальных систем и их коренные причины, тем не менее, могут быть перепроектированы для достижения положительного эффекта. Как предлагает социолог Алан Джонсон: «Людям, конечно, придется измениться для того, чтобы отрегулировать системы, но наиболее важно то, что одного изменения людей недостаточно. Решение также должно включать в себя целые системы, такие как капитализм, курс которого при наименьшем сопротивлении формирует наши чувства, мысли, поведение, убеждения - как мы видим и воспринимаем себя и друг друга. [4, с. 38]

Таким образом, если социальное проектирование направлено на положительное изменение социальной сферы, то исследование социального проектирования, практика и, конечно, сами ее исполнители должны быть в состоянии анализировать и адекватно оценить макро- и микрополитические, экономические и культурные системы, которые создают те вызовы, на которые социальное проектирование стремится ответить.

Библиографический список

1. Cinnamon L. Janzer & Lauren S. Weinstein (2014) Social Design and Neocolonialism, *Design and Culture*, 6:3, 327-343
2. Freire, Paulo. 2005. *The Pedagogy of the Oppressed*. New York: Continuum International Publishing Group.
3. Said, Edward. 1979. *Orientalism*. New York: Vintage.
4. Johnson, Allan G. 2005. "What Can We Do? Becoming Part of the Solution." In Susan J. Ferguson (ed.), *Mapping the Social Landscape: Readings in Sociology [1988]*. Boston, MA: McGraw Hill.
5. Григорян А.Э. Проектное сознание в процессах формирования социальных коммуникаций // Человек в современных научных и философских концепциях мироздания сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука» ; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 46-53.
6. Григорян А.Э. В поисках экоориентированных стратегий развития информационно-коммуникативного пространства // Вестник Орловского гос. университета. 2015. №1. - С.297-300
7. Григорян А.Э. Функция конструирования в межкультурных коммуникациях // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. №1 - 2(11). С.124-130

8. Баркова Э.В. Масштаб личностного развития в целевых установках проектирования экокультуры информационного общества В сборнике: Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества Труды Международной научно-теоретической конференции. – СПб, 2015. С. 5-8.
9. Баркова Э.В. Трансформации коммуникативных технологий в экофилософской перспективе глобализации // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 3 (38). С. 132-136
10. Бузская О.М. Модели проектирования современного социокультурного пространства // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием. М., 2015. С. 26-29
11. Бузская О.М. Экология коммуникаций в обеспечении устойчивого развития современной России // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2015. Т. 5. С. 126-131
12. Кузнецова Ю.А. К исследованию понятий «коммуникация» и «общение»: аксиологический аспект // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 3-2 (69). С. 148-151.
13. Торосян Л.Д. Профессионально-ориентированное обучение смысловому чтению на иностранном языке бакалавров по направлению экономика // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. №9(113). С.171-175
14. Торосян Л.Д. Оптимизация самостоятельной работы в процессе иноязычной подготовки бакалавров неязыкового ВУЗа // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Т.1. №3(115). С.68-71
15. Панина Н.А. Формирование портфолио студента как мотивирующий фактор обучения в приобретении профессиональных компетенций // Новая наука: от идеи к результату. 2015. №6-2. С.117-120
16. Кургаева О.Л. Информационные технологии, используемые при формировании социокультурной компетенции студентов, изучающих иностранный язык // Иностранные языки в науке и образовании: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука». Нижний Новгород, 2016. С.76-81
17. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // В сборнике: Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И.,

Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. 2016. С. 64-66.

18. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994.

УДК 101.1

Кораблев Д.Г. К вопросу о предпосылках теории «зеленой» экономики

To the question about prerequisites of “green” economics theory

Кораблев Денис Геннадьевич

Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова, г. Москва
Inspektor199@mail.ru

Korablev Denis Gennadyevich

Plekhanov Russian University of economics, Moscow

Аннотация. Цель настоящей статьи – проанализировать развитие социально-экономических наук, которое послужило основанием для возникновения теории «зеленой» экономики. При написании статьи использованы методы историко-философского анализа и синтеза. В статье исследуется взаимосвязь экологии и экономической теории, а также идеи ученых, которые легли в основу теории «зеленой» экономики.

Ключевые слова: зеленая экономика, экологический подход, биосфера, экосистема, устойчивое развитие.

Abstract. The article purpose is to analyze the development of socio-economic science as the foundation for the theory of “green” economics. The author uses the methods of historical and philosophical analysis and synthesis. The article researches interconnection between ecology and economic theory, and also the ideas of the scientists, which influenced the essence of “green” economics theory.

Key words: green economics, ecological approach, biosphere, ecosystem, sustainable development.

Эволюция экономической науки наглядно представляет постоянно растущее значения учета естественного природного фактора в хозяйственной деятельности человека. Такая тенденция обуславливается в том числе тем, что в современных условиях большинство традиционных природных ресурсов становятся редкими. Дефицитность природных ресурсов относится как к не возобновляемым, так и к возобновляемым природным ресурсам - прежде всего к ресурсам экологической системы и биоразнообразия. Ответом на такое положение дел становится теория зеленой экономики, которая ставит перед

собой цель обеспечение не истощающегося развития в долгосрочной перспективе.

Предпосылкой становления зеленой экономики как науки являются фундаментальные позиции и теоретические взгляды ученых, сформировавших научные положения экологии, социологии и экономической теории в рамках междисциплинарного подхода.

Экология как система знаний сформировалась в качестве парадигмы теоретической биологии в середине XIX в., после того как были сгенерированы познания о многообразии живых организмов на Земле и созрело понимание того, что не только строение и развитие организмов, но и их взаимоотношения со средой обитания подчинены определенным закономерностям развития, требующие фундаментального изучения. Научные положения экологии являются теоретической основой охраны окружающей среды и рационального природопользования.

Существенный научный вклад в развитие концептуальных теорий экологизации хозяйственной деятельности внес российский ученый В.И. Вернадский. В 1926 г. он опубликовал труд «Биосфера», ознаменовав рождение новой науки о природе и механизмах взаимодействия с ней человека. В этой книге биосфера впервые была представлена в качестве единой динамической системы, населенной и управляемой жизнью, живым веществом планеты. Причисляя существование самого человека к функциям биосферы, В.И. Вернадский обосновывал наличие критических пределов вмешательства человека с точки зрения безопасности его существования.

Следующим знаменательным этапом в становлении экологической экономики как науки в русле развития научных течений и концепций экологии следует выделить 1935 год, который характеризовался введением А. Тэнсли (A. Tansley) новой дефиниции «экосистема». Под экологической системой подразумевалась совокупность живых организмов (сообществ) и среды их обитания, образующих в процессе круговорота веществ устойчивую систему жизни.

В процессе эволюции в современный период сущность понятия «экологическая система» трансформировалась, поскольку в системе объектов ее изучения оказался человек как биологический вид, осуществляющий «природопорабощающую» деятельность, вследствие которой возникла реальная угроза глобального экологического кризиса. В создавшихся условиях под экологией все чаще стали подразумевать комплекс взаимоотношений человека с окружающей природной средой. В 1958 г. биогеограф Ю.Н. Куражковский ввел понятие «природопользование» и в рамках научного подхода сделал попытку систематизации процесса взаимоотношений человека с природой, разработки общих принципов осуществления деятельности, связанной либо с непосредственным использованием природы и ее ресурсов, либо с переменчивым воздействием на окружающую среду. Разработка общих принципов природопользования направлена на обеспечение единого подхода к природе как к всеобщей основе труда.

Одним из основоположников теории зеленой экономики, в центре

внимания которой - взаимоотношения природы и хозяйственной деятельности человека с позиции экологической науки, стал американский ученый Б. Коммонер, сформулировавший в 1974 году так называемые «экологические законы». Эти законы сводились к четырем основным принципам, объясняющим устойчивое развитие природы и призывающим человечество руководствоваться ими в своем воздействии на окружающую среду.

Принцип первый: «Все связано со всем»; в традициях общеизвестного диалектико-материалистического положения о всеобщей связи вещей и явлений он означает, что живая динамика сложных и разветвленных экологических цепей образует, в конечном итоге, единую систему;

Принцип второй: «Все должно куда-то деваться»; здесь, перефразируя фундаментальный физический закон сохранения материи, Коммонер ставит одну из труднейших проблем прикладной экологии – проблему ассимиляции биосферой отходов человеческой цивилизации;

Принцип третий: «Природа знает лучше»; в противоположность популярному ранее подходу, согласно которому природа – это мастерская, человек использует природу для своих целей, принимая во внимание исключительно собственные интересы, этот закон связан с призывом к бережности и осторожности в обращении с природными экосистемами;

Принцип четвертый: «Ничто не дается даром», по Коммонеру, поскольку глобальная экосистема представляет собой единое целое, все, что было извлечено из нее человеческим трудом, должно быть возмещено.

В конце XX века арсенал экологии пополнился междисциплинарным подходом, в основе которого лежала общая теория систем. Экологическая наука активно использует инструменты моделирования системных явлений, теорию катастроф, построение сложных компьютерных моделей.

К предпосылкам возникновения теории зеленой экономики также следует отнести формирование в экологии во второй половине XX в. нового научного течения - социальной экологии, которое возникло параллельно с процессом формирования самостоятельной науки в социологии - инвайронментальная социология. Вместе с тем, обе науки глубоко связаны между собой и призваны дополнять друг друга. Возникновение социальной экологии целесообразно рассматривать в контексте ее развития и превращения экологии в общественную науку, стремящуюся охватить широкий круг проблем в сфере управления окружающей средой. В результате «экология» стала и общественной наукой, продолжая оставаться естественной системой знаний.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. К исследованию мировоззренческих оснований экофилософии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 1 (30). С. 180-186..
2. Баркова Э.В. Экофилософия в поисках оснований теории природно-культурного наследия // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). С. 3-8..
3. Бобков А.Л. Экономия ресурсов как фактор повышения

конкурентоспособности промышленности России. Монография / А. Л. Бобков, Л. В. Бобков. Москва, 2010.

4. Бузская О.М. Гуманитарная экспертиза как технология развития экологии бизнес-коммуникаций // В сборнике: Современные ориентации общества и культуры сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 47-50.
5. Бузская О.М. Человек в пространстве социальных коммуникаций // В сборнике: Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании Под редакцией С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2013. С. 48-52.
6. Ивлева М.И. Бытие человека с точки зрения субстанциального подхода: экологический аспект // В сборнике: Человек в современных научных и философских концепциях мироздания сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука»; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 5-13.
7. Ивлева М.И. Место логики в системе экономического образования // В сборнике: Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 114-116.
8. Ивлева М.И. Тенденции математизации социально-гуманитарного знания как элемент современной духовной культуры // В сборнике: Актуальные проблемы и достижения в общественных науках 2016. С. 55-57.
9. Понизовкина И.Ф. Ещё раз об экологии // Вестник Российского философского общества. 2009. № 1. С. 128.

УДК 378.1

Старков С.А. Модели экологического регулирования экономической системы

Models of ecological regulation of the economic system

Старков Сергей Андреевич

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва lara.starkova@yandex.ru

Starkov Sergey Andreevich

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. Статья рассматривает различные модели экономического

развития, направленные на внедрение экологического компонента, а также фактора устойчивости в экономическую систему. Делается акцент на необходимости развития партнерства и позиции диалога при взаимодействии экономической, социальной систем и природной среды.

Ключевые слова: модели экономического развития, экология экономики, устойчивое развитие, экоэтика.

Abstract. The article considers various models of economic development aimed to the implementation of the environmental component, as well as the stability factor into the economic system. The emphasis is on the need to develop partnership and dialogue positions in the interaction of economic, social systems and natural environment.

Keywords: model of economic development, environmental economics, sustainable development, ecoethics.

Усиление экологического воздействия на современную экономику, которое становится значительным ресурсом и источником обновления самой экономической системы, определяется ориентирами экологической парадигмы, в которой существующая реальность, взятая как целое, приобретает новую мировоззренческую формы и содержание, открывает новое измерение. Здесь основой внутренней связи, в которой рождается смысл, становится приоритет целостности человека, выраженной в гуманистических параметрах этики, культуры, ценностного и партнерского отношения к природе.

Тем не менее , существуют объективные противоречия в системе человек-общество-природа, которые затрудняют вхождение экологических и эко-этических принципов в экономику. Различия в их освоении и способах разрешения этих противоречий приводят к концептуальным моделям, авторы которых по-разному ставят проблему активности субъекта управления и регулирования экономики. Вследствие этого в их концепциях допускаются разные степени управляемости и потому - различные темпы экономических изменений, что в перспективе может затруднять выявление потенциала экоориентированных стратегий в регулировании экономики, ее основных сторон и деятельности субъектов.

Для преодоления и разрешения противоречий социально-экономического и экологического развития были разработаны различные модели экономического развития, направленные на внедрение экологического компонента, а также фактора устойчивости в экономическую систему.

Рассмотрим, далее, следующие модели экономического развития, отражающие регулятивный смысл экологического фактора: модель сбалансированного развития; модель устойчивого типа экономического развития и ее модификации в формах природоохранной модели, модели экономической динамики с учетом экологических факторов; социо-эколого-экономической модели и социо-экономико-продовольственная модель.

Модель *сбалансированного развития экономики*, исследуемая А.В.Половян, раскрывает *регулятивные* аспекты ее взаимодействия с природной средой. «Окружающий мир представляет собой систему,

состоящую из биофизической, экологической, социальной и экономической подсистем . При этом наибольшее негативное воздействие на систему в целом оказывает экономическая подсистема. Поэтому, по мысли А.В.Половян, одним из направлений обеспечения сбалансированного развития является регулирование экономической подсистемы в сторону снижения ее эко-деструктивного воздействия на условия развития экологической и биотической подсистем». [1]

Сбалансированное развитие, по А. В.Полавян, предполагает мутуалистическое или комменсалистическое взаимодействие между популяциями экономических субъектов социальной, экологической и биотической подсистем, основанное на взаимном обеспечении условий процесса благоприятного изменения качественных характеристик этих подсистем, ведущего к необратимым изменениям в паттернах их поведения.

При управлении сбалансированным развитием используются следующие составляющие:

- 1) эволюционное управление, или управление изменениями, основанное на принципах иерархически управляемой динамической системы;
- 2) экологический менеджмент, который трансформируется в экологический инновационный менеджмент, что является первым шагом к направленному ко-эволюционному развитию общества и природы;
- 3) процессные инновации, что позволяет организовать генерацию и реализацию необходимых ресурсосберегающих технологических решений;
- 4) законодательное поле трансфера знаний и технологий, что позволяет нормативно закрепить экологический императив.

Здесь представленный регулятор может быть устойчивым и целостным при условии более четкого прояснения и введения факторов, позволяющим системам взаимодействовать на основе принципа «одновременности»: изменения в одной системе должны коррелироваться с другими, чтобы обеспечить реальное взаимодействие и корректировку. Однако общий «координатор» оказывается данным автором не раскрытым. С другой стороны, необходим взаимный перевод кода этих систем, который должен раскрыть их связь с общей системой взаимодействия «социум-экономика-природа». Эта задача в рамках данной модели также не решена.

Одной из основных моделей, направленных на оптимизацию взаимодействия между экономикой и природой, является *модель устойчивого типа экономического развития*. Эта модель была обоснована и подтверждена в Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию, принятой на Всемирном саммите ООН в 2002 году. В рамках данной программы, в программных материалах от России был предложен проект Международной конвенции о коллективной экологической безопасности.

Исходными положениями модели устойчивого развития стали: обеспечение природно-экологической устойчивости на основе теории

биотической регуляции окружающей среды; обеспечение *поддерживаемого* экономического развития на основе *радикально модифицированной* рыночной системы; обеспечение устойчивого социального развития на основе принципа справедливости; *экологизация общественного сознания* на основе использования системы образования и средств массовой информации; обеспечение тесного международного сотрудничества и кооперации для достижения целей устойчивого развития. [2, с.453]

Под устойчивым развитием в контексте этой модели стали понимать «такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Оно включает два главных аспекта: понятие потребностей и понятие ограничений. Понятие потребностей, в частности таких потребностей, которые необходимы для существования беднейших слоев населения и должны быть предметом первостепенного приоритета. Понятие ограничений обусловлено состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности. «Таким образом, устойчивое развитие цивилизации предусматривает взаимосвязанное развитие экономической, социальной и экологической составляющих, и признание невозможности развития человеческого общества при деградации природы». [2, с. 453]

Подчеркнем, что в контексте устойчивости данной модели значительно *усилена социальная составляющая* - экологизация общественного сознания, а также введен принцип справедливости, которые переводят устойчивое развитие в ценностно-этическую плоскость. Однако принцип биотической регуляции окружающей среды, представляющий экологическую компоненту, все же оказывается по отношению к экономике пассивным: речь идет скорее о самосохранении биотической системы, чем о ее реальном воздействии на систему материального общественного производства.

Представляется, что решение проблемы целостности системы «социум-экономика-природа» лежит в плоскости конкретизации принципа партнерства в отношении этих сторон. Партнерство выступает как такое взаимодействие, в котором соотношение сторон опосредуется целостностью данной системы. Именно целостность становится регулятором и координатором природных и социально экономических, самодостаточных по отношению друг к другу сфер. Однако в приведенных концепциях целостность не рассматривается как основание взаимодействия природных и экономических факторов. Речь идет скорее о мерах по уменьшению и гармонизации воздействия экономики на природу через разработку системы ограничений и нормативности.

Из этой общей концепции выделяются две модели. Первая из них - «природоохранная модель» Я.Тибергена и А.Печчеи, в которой исследуется проблема формирования темпов и пропорций экономического роста под воздействием экологических и социальных ограничений на всех уровнях жизнедеятельности человека. Здесь соотносятся категории «рост» и «устойчивое развитие», которые находятся в сложных и неоднозначных отношениях.

Так, Я. Тинберген характеризует устойчивое развитие как оптимальное распределение ресурсов между поколениями, нацеленность экономики на долгосрочное стимулирование благосостояние общества, сохранение имущества (капитала) человечества для будущих поколений. [3] А. Печчеи видит переход к устойчивому развитию посредством коренной трансформации всех старых представлений о человеке и его месте в мире и создании новой системы мировоззрения. Во главе измененного мира должно встать мировое правительство, которое будет ограничивать корыстные интересы отдельных государств и транснациональных корпораций. [4]

Вторая группа включает модели экономической динамики с учетом экологических факторов. Акцент на этих факторах заставляет сторонников этой модели отказываться от концепции устойчивого развития и выдвигать альтернативный путь развития с учетом последних экологических факторов. Так, например, Дж. Форрестер, используя методы математики и электронно-вычислительной техники, выстраивает модель (вариант) экономического развития с учетом численности населения и загрязнения природной среды. А Д. Медоуз обосновывает необходимость сведения к нулю роста народонаселения и производства. [5]

Это направление концепции устойчивого развития акцентирует внимание на социально экономических аспектах устойчивости развития. Здесь выявляются условия обеспечения устойчивости темпов экономического роста, в которые входят показатели сбалансированного развития, динамического равновесия, критерии оптимального развития. Все это подчинено идее гармонизации экономического и экологического развития. Главное здесь - обеспечить такой тип экономического роста, который бы сформировал гармоничные отношения между экономикой и природой, сохранил окружающую среду для будущих поколений.

Данное направление в свою очередь представлено двумя моделями: социо-эколого-экономической и социо-экономико-продовольственной. Сторонники первой модели полагают, что основой устойчивого развития является гармоническая связь экономики, природы и общества. [См. 6] Они включают также не только экологическую составляющую, но и социальную и экономическую стороны. Однако здесь мы также не видим выявления активности экологической стороны, так как устойчивое развитие обеспечивает прекращение процесса деградации природных ресурсов, загрязнения окружающей среды и уничтожению разнообразия биологических видов. Так, например, Т.Н. Губайдуллина определяет устойчивое развитие, как поступательное движение, которое способно обеспечить «смену приоритетов общественного развития в направлении обеспечения эффективного развития и сохранения природного и трудового потенциала, на формирование нового взгляда на человека как активного участника эволюции экономической и экологической систем, нацеленное, в первую очередь, на сохранение и совершенствование человека, качественных параметров его жизнедеятельности, на создание необходимых условий для более полной реализации его творческих и духовных начал». [7, с.83]

Таким образом, справедливо поставив проблему достижения гармонической связи экономики, природы и общества, сторонники этого подхода не выявили суть этой гармонии как проявления целостности взаимодействий указанных компонентов.

Представители социо-экономико-продовольственных моделей исследуют условия достижения баланса взаимодействия экономических, социальных и продовольственных интересов. [См. 8]. Устойчивое развитие, по их мнению, предполагает долговременные процессы экономического роста, носящие динамичный характер. Новая модель общественно-экономического развития должна включать создание новой системы ценностей общества, основанной на сочетании экономической эффективности и продовольственной безопасности страны. Устойчивое развитие в рамках данной модели представляет собой последовательное улучшение составляющих экономической системы в долгосрочном интервале времени и приводящего к экономическому росту.

Таким образом, рассмотренные модели и соответствующие им типы экологического регулирования экономической системы свидетельствуют о том, что наряду с их безусловно конструктивными положениями, они не решают эко-этических проблем связей и коммуникаций внутри и между системами экономики, политики, социально-культурной сферы. Поэтому значительный потенциал для решения проблемы экологического регулирования современной экономики связан с открытием и использованием условий осуществления активного диалога между социумом, экономикой и природной средой.

Библиографический список

1. Половян А.В. Концептуальные аспекты управления сбалансированным развитием// Экономика промышленности — 2012. — № 1-2. — С. 276-288. (на укр. яз.).
2. Реус Н.И. Влияние экологического фактора на эволюцию мировой экономики// Вестник МГТУ, том 14, №2, 2011 г. С/ 452-457
3. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. - М.: Прогресс, 1980.
4. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985. – С. 301-302.
5. Медоуз Д. Пределы роста: Доклад по проекту Римского клуба «сложное положение человечества». – М.: Изд-во МГУ, 1991.
6. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1979. – 406 с.; Коптюг В.А. и др. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России. – М.: Новосибирск, 1996; Губайдуллина Т.Н. Устойчивое развитие эколого-экономической системы: вопросы теории и методологии. – Казань: Изд-во КГУ, 2000. – 176 с.
7. Губайдуллина Т.Н. Устойчивое развитие эколого-экономической системы: вопросы теории и методологии. – Казань: Изд-во КГУ, 2000. – С. 81-84
8. Афанасенко И. Есть ли будущее у Русской цивилизации? / СПб.: Питер, 2007. – 203 с.; Гумеров Р. Продовольственная безопасность страны: к развитию правовых основ и экономических механизмов обеспечения // Российский экономический журнал. - 2006. - N 11-12. - С.41-56; Дугина Е.Л. Региональный продовольственный рынок, его развитие в современных

- условиях: Учебное пособие. – УланУдэ: изд-во ВСГТУ, 2001. – 127 с. 24.
Капканщиков С.Г. Структурная политика государства в механизме экономического роста; Ульяновск, УлГТУ, 2005.
9. Баркова Э.В. Философия диалога культур как форма надежды на сохранение мира // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты. – М., 2015. - С.103-115
10. Баркова Э.В. Межсубъектные связи в современном мире: опыт экофилософского анализа // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. 2014. №8 (74). - С.12-23
11. Бузская О.М. Модели проектирования современного социокультурного пространства // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием. Москва, 2015. - С. 26-29.
12. Ивлева М.И. Бытие человека с точки зрения субстанциального подхода: экологический аспект // В сборнике: Человек в современных научных и философских концепциях мироздания сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука»; Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 5-13.
13. Ивлева М.И. Экологический аспект философского знания: «Логические исследования» А.Тренделенбурга // В сборнике: Современные ориентации общества и культуры сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. 2016. С. 23-27.

УДК 316

Фролова Ю.С., Лебедева И.В.

**Специфика формирования социокультурных особенностей
средних слоев населения современной России**

**The specificity of social and cultural features formation of the middle
strata population in modern Russia**

Фролова Юлия Сергеевна

доктор соц. наук, профессор Каспийский институт
морского и речного транспорта г. Астрахань, РФ
usfro@mail.ru

Лебедева Ирэна Валерьевна

кандидат соц. наук, доцент Каспийский институт
морского и речного транспорта г. Астрахань, РФ

**Frolova Yulia
Lebedeva Irena**

Caspian Institute of Sea and River Transport

Аннотация: Население сегодняшней России является отражением наследия советской эпохи. В немалой степени советский рабочий класс и «народная» интеллигенция состояли либо из вчерашних выходцев из деревни, либо из их детей и обладали соответствующими глубинными характеристиками сознания. Однако изменение образа жизни и смена поколений постепенно вымывала некоторые ментальные установки.

Ключевые слова: менталитет россиян, социокультурные особенности, средний класс, интеллигенция, рабочие, ценности.

Abstract: The population of Russia today is a reflection of the heritage of the Soviet era. To a large extent the Soviet working class and the "people" or the intelligentsia consisted from ex-villages or from their children and have appropriate depth the characteristics of consciousness. However, lifestyle changes and the change of generations is gradually washed away some mental attitudes.

Keywords: Russian mentality, socio-cultural characteristics, the middle class, intellectuals, workers, values.

Рассматривая социокультурную специфику средних слоев населения современной России нельзя забывать о наследии советского периода. Многомиллионная человеческая масса, порожденная самой же системой, на различных ее уровнях, была весьма специфична. С определенной долей условности, можно сказать, что это был «массовый советский средний класс» (колоссальное число квалифицированных работников и интеллигенция).

Название данной совокупности субъектов средним классом подвергается в научной литературе сомнению вплоть до отрицания, поскольку не соответствует западноевропейским представлениям о последнем. Но ведь и СССР не был западноевропейским государством. Теоретики могут аргументировано отрицать наличие среднего класса в Советском Союзе, однако для людей, живших в нем, средний класс был несомненной социально-психологической реальностью.

В некотором смысле все советское общество было усреднено. Большая часть социальных различий его субъектов имела характер скорее горизонтальный (пространственный, региональный), чем вертикальный (доходно-имущественный). Если исходить из этой характеристики, то среднего класса в западном понимании, разумеется, не существовало. Такие привычные для западного среднего класса показатели, как образование и квалификация, место в должностной иерархии, уровень доходов, культурные и потребительские ориентации, бюджет времени, набор досуговых занятий, язык своей субкультуры и знаковая среда общения, место жительства и тип жилья и

т.п. не дают исчерпывающего описания интересующей нас массы субъектов в советском социуме. И, тем не менее, при небольшом различии в доходах с другими слоями общества, представители среднего класса в советской социальной системе заметно отличались по стилю потребления и своей ментальности.

Сформировался удивительный феномен: система породила значительную массу субъектов, предоставив им определенное ресурсообеспечение, достаточное для существования в «среднем» режиме по шкале данной системы. Но масса таких субъектов росла слишком активно и постепенно стала критической. Система уже не могла содержать на уровне среднего ресурсообеспечения (даже по своим невысоким стандартам) такое количество людей. Тем более, что у них постоянно росла потребность в повышении своего социального и потребительского статуса, что создавало серьезное давление «изнутри» на многие подструктуры системы. Нарастивая массу, «разбухая», система становилась все неподвижней и все более нуждалась в дополнительных ресурсах. Следуя закону энтропии, структура системы все больше усложнялась

и имевшейся формы контроля становилось недостаточно.

В такой ситуации путь консервативных трансформаций системы становился невозможен. Условный средний класс (интеллигенция и квалифицированные работники разных сфер), активно удовлетворяя свои растущие потребительские аппетиты, стремились занять более высокие статусные позиции, сложившаяся социальная иерархия советской системы их уже не устраивала.

Уже к 80-м годам XX века возможности вертикальной мобильности были почти исчерпаны. Подсистема управления не могла расти дальше теми же темпами, что и раньше. Прекращение роста «государственного тела» свидетельствовало о динамично развивающейся депрессии («окостенении») системы. Наиболее активные субъекты системы уходили в боковые ветви истеблишмента: в науку, искусство, образование, в высоко технологичные производства, т. е. в традиционные ниши обитания среднего класса на Западе.

Примерно с 80-х годов карьерный рост внутри системы отождествлялся уже не только с принадлежностью к управленческой подсистеме как таковой, но и с легитимацией своего социального положения в системной иерархии через науку (дипломы, ученые степени), искусство (известность, звания), производство (награды, премии). Это не могло не отражаться на понижении социального престижа подсистемы управления [1].

Кроме того, длительная «гонка за Западом» дала ряд побочных эффектов. Одним из них было массовое распространение бытовой электроники и различных информационных носителей. На первый взгляд это обстоятельство не связано с рассматриваемой проблемой, но, если посмотреть шире, то мы увидим, что это способствовало постепенной утрате системой монополии на информацию и артикуляцию приемлемых для нее ценностных образцов. «Воздействие на советских граждан западных идей... знакомство с «буржуазным» стилем жизни через разраставшиеся средства массовой информации было источником постоянного беспокойства для властей»[3]

Также, мотивированное «холодной войной» соревнование с Западом, привело к созданию в СССР невероятной по размерам сферы науки и научного обслуживания (включая подсистему образования), а также сферы искусства (как агитационного инструмента, в котором нуждалась идеологическая подструктура). В итоге колоссальный объем названных дотационных сфер стал непосильной нагрузкой для системы. Кроме того, эти сферы невозможно было изолировать от внешнего мира (по причине специфики их же деятельности), в результате они стали одними из первых независимых каналов информирования общества и источником социальной рефлексии.

Именно в этих сферах располагался значительный процент условного советского среднего класса. Сознвая свою интеллектуальную ценность, эта социальная группа, со временем, стала болезненно относиться к собственной социально-политической незначительности и начала активно выражать недовольство. Именно этот слой стал распространителем «Великого Рыночного Мифа» и он же одним из первых попал под пресс оседающей системы. Такое уже происходило в истории. Дантон говорил, что революция, как Сатурн, пожирает своих детей. Постигла эта участь и советский средний класс, социальная масса, статус и структура которого во многом были продолжением мирового статуса всей Советской системы.

Нахлынувшая рыночная рационализация всех процессов показала избыточность такой массы субъектов, претендующих на высокие статусные позиции и ресурсобеспечение. Высочайший уровень развития науки, всеобщее бесплатное образование и здравоохранение, программы обеспечения населения недорогим типовым жильем, многочисленные социальные дотации и т. д. – все это требовало слишком больших затрат. Действовавшая ранее схема отъема ресурсов у реальных производителей (например, сельскохозяйственных работников) и перераспределения их в пользу горожан и работников интеллектуального труда, себя уже не оправдывала, в связи с резким сокращением численности сельскохозяйственного населения и активной урбанизацией страны [4].

Конечно, стандарты жизни в Советском обществе были достаточно скудны в сравнении с западными государствами. Но социологические исследования тех лет (не всегда в угоду конъюнктуре) воспроизводили один и тот же социальный контур общества – широкий эллипс, с мощным срединным слоем, в который входило большинство экономически активного населения страны.

По данным российско-американского сравнительного исследования в 1990 году 64% россиян имели отдельное муниципальное жилье, 90% телевизор, 80% холодильник, 25% автомобиль, 34% дачу [2]. Кроме того, граждане пользовались системой бесплатного образования и медицинского обслуживания, существовали детские сады, санатории и т.д. Конечно, качество всего этого было невысоким. Однако в сравнении с сегодняшней Россией, в СССР население имело ощутимый социальный пакет.

Поколение российских научных достижений 70-х – середины 80-х годов в принципиальном отношении не сильно отличалось от западных: те же

квадратные телевизоры на транзисторах, те же телефоны, те же микрокалькуляторы и электронные часы, того же типа приемники и магнитофоны. Антураж западного общества был, безусловно, ярче, но в какой-то степени развитие социальных программ и активный рост среднего класса на Западе есть, как ни странно, результат существования Советского Союза. Жизнь американского рабочего в начале XX века мало отличалась от жизни его российского современника, и о социальном пакете 70 - 80-х годов речи не было. Но после 1917 года Западу пришлось успокаивать собственные социальные низы, во избежание поддержки ими социалистических идей. По сути, само существование Советского Союза вызвало к жизни немыслимое во времена, например, К.Маркса, явление — многомиллионный средний класс, превратившийся в большинство на Западе. Фактически уже сегодня средний класс на Западе медленно размывается. Зарботки падают, безработица растет. Происходит это не только в США, но и в Европе, отражаясь на общей социально-политической стабильности (например, осенние беспорядки в пригородах Парижа в 2005 году и весенние демонстрации уже в его центре в 2006). И это не случайное и не временное явление; мир, похоже, возвращается к сценарию К.Маркса: расколу общества на незначительное число сверхбогатых, подавляющее большинство малообеспеченных слоев населения и на небольшой процент средних слоев.

Но это ситуация сегодняшнего дня, вернемся к анализу предыдущей эпохи. И тогда, и сейчас помимо американских в мире существовали и другие стандарты. В 70-80-х годах советский средний класс жил лучше, чем средние слои большинства развивающихся стран и даже ряда стран «социалистического содружества». Так, даже сегодня (в период экономического подъема) китайский квалифицированный специалист редко имеет собственное жилье и автомобиль. А для среднего мексиканца отдых на каком-либо курорте практически недоступен. То есть по общемировым стандартам средние слои Советского общества были вполне респектабельны.

В социалистической идеологии большое место занимали ценности просвещения, образования и досуга, как атрибуты неотъемлемых условий декларируемого всестороннего развития личности. Образование и досуг стали своего рода самоценностями, важными элементами общественного идеала, не уступавшими по своему значению материальным ценностям (и в этом было одно из реальных достоинств социалистической системы). Соответственно, общественная ориентация на повышение образованности и расширение свободного времени для проведения культурно ориентированного досуга была в СССР (по отношению к уровню возможностей производства) сильнее, чем на Западе.

Долговременная и широкомасштабная идеологическая поддержка подобной ориентации привела к превращению её в устойчивую массовую потребность. Права на бесплатное медицинское обслуживание и образование, почти даровое жилище, всеобщее пенсионное обеспечение стали реальностью и благодаря этому у людей сложилось представление о том, что нормальный рубеж выхода на пенсию 55-60 лет, что бесплатное 10-летнее обучение детей и

бесплатное среднеспециальное и высшее образование – это тоже норма, как и 40-часовая рабочая неделя, и трехнедельный оплачиваемый отпуск и другие блага социальной политики.

В западных странах похожие нормы распространились лишь, когда они стали вдвое - втрое богаче и производительнее, чем СССР в тех же 60-80-х годах. Однако и сегодня большая часть населения во многих западных странах ориентируется на получение пенсии в среднем после 65 лет и на 8-9-летнее всеобщее образование. Опережающий уровень социальных притязаний советских граждан обуславливался тем, что в последнее перед распадом системы десятилетие многие из названных прав не только декларировались, но и практически осуществлялись.

Доставшийся современной России в наследство от советского периода «человеческий потенциал» оказался весьма разнообразен и интересен не только своими экономическими показателями. Культурным лидером в этой массе выступала советская интеллигенция, феномен специфический и нигде в мире пока не повторившийся. Система, во многом ограничивавшая статусные и идейные амбиции интеллигенции (в связи с чем, воспринимаемая интеллигенцией как враждебная), в реальности была социальной родительницей данной прослойки и, более того, непременным условием ее существования. Именно она давала возможность идейному лидеру своего «среднего класса» – интеллигенции - жить во вне рыночной среде, во многом без связи с реальными экономическими институтами. Подобный образ жизни сформировал уникальную интеллигентскую субкультуру. Но в то же время, он способствовал появлению специфического менталитета у данной социальной группы, для которого были свойственны антипрактичность, рефлексивность, иногда снобизм и очевидный идеализм.

Активно поучаствовав в развале исходной системы, советский средний класс (в авангарде с интеллигенцией) оказался перед фактом собственного выживания. Меньшая его часть (наиболее молодая) начала активно вживаться в новую реальность с ее рыночными отношениями, формируя группы компрадорской интеллигенции, высококвалифицированных узких специалистов разного профиля, обслуживающих интересы не только своей новоформирующейся социальной системы, но и интересы мирового рынка. Большая же часть советского среднего класса, пережила колоссальный стресс, утратив привычный социально-материальный статус и сблизившись с остальными группами наемных работников и иных непривилегированных субъектов системы.

Но у сознания большая инерция и, несмотря ни на что, первые годы после развала СССР люди продолжали относиться к государству так, как они привыкли, ожидая активной и постоянной поддержки. Работа все еще воспринималась многими как гарантированная государством полуобязанность, а вторичная занятость или самозанятость населения только начинала набирать обороты. Однако без снижения завышенных (для возможностей данной системы) социальных ожиданий субъектов, адаптация их к условиям кризиса была бы невозможна. К сожалению, именно высокий старт реформирующейся

страны и завышенный уровень ожиданий людей, осложняли трансформационную ситуацию первых постсоветских лет.

В современном мире есть общества, успешно прошедшие реструктуризацию. Начав с гораздо более низких стартовых позиций, чем СССР, они не были обременены особыми ожиданиями со стороны своего населения. Германия и Япония после Второй Мировой войны, Корея и Китай, Чили и Турция опирались в основном на «руины», в отличие от «перестройщиков» советской страны. Реформы в этих странах, воспринимались населением как путь вперед, от предшествовавшей социальной катастрофы.

Россия оказалась в более трудном положении. В массовом сознании жителей российских провинций крушение привычного уровня и образа жизни (катастрофа повседневности) произошло не во время существования СССР, а после его распада, следовательно, вне пределов его ответственности. Все последовавшие за этим прозападнические реформационные эксперименты, закономерно воспринимались населением, как непродуманные действия, ведущие страну к упадку.

В условиях кардинальных преобразований россиянам приходится подстраиваться под непредсказуемо изменяющуюся действительность. В этом процессе адаптации определенную роль играют и черты менталитета российского человека, значимость каждой из которых различна.

Современные условия активизировали трудовую деятельность наших людей. Но, в то же время новые социально – экономические и политические условия требуют и новых методов управления, рассчитанных на еще большую активизацию личной инициативы, рост авторитета законов и так далее. Однако силовой комплекс, продолжает жить в менталитете россиян и толкает самых разных представителей нашего общества (от депутатов до простых граждан) искать примитивные силовые решения возникающих проблем. Не угасли в сознании обитателей российской провинции и представления об уравнительности, и потребность в харизматическом лидере. Возможность реставрации прежней жизни маловероятна. Но большинству россиян сегодня живется хуже, чем раньше и их желание отказаться от изнуряющих перемен и вернуть прошлое комфортное состояние вполне объяснимо.

Библиографический список

1. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. – М., 2003. - С 432
2. Трансформация социальной структуры и стратификация Российского общества. - М., 2000. - С.86
3. Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917-1991. – Смоленск, М.,1998. - С. 354.
4. Шафаревич И. Р. Зачем России Запад? – М., 2005. - С. 218

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ, ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 304.2

**Баркова Э.В. Категория творчества в зеркале экофилософии:
от миметики к мимезису**

Category of creativity in Ecophilosophy: from mimetic to mimesis

Баркова Элеонора Владиленовна

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва barkova3000@yandex.ru

Barkova Eleonora Vladilenovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. Обоснована востребованность возрождения в новой экофилософской форме классической интерпретации творчества, не сводимой к смыслам инновационности и оригинальности.

Ключевые слова: творчество, человек, экофилософия, Возрождение-XXI, миметика, мимезис, гуманизм.

Abstract. The article substantiates the demand of renaissance in a new ecophilosophy form of classical interpretation of creativity, that is not reducible to the senses of innovation and originality.

Keywords: creativity, person, Ecophilosophy, Renaissance-XXI, mimetic, mimesis, humanism.

Преодоление современным человечеством планетарно-цивилизационного кризиса еще возможно, но времени на него, как показывают исследования, все меньше. Этим обусловлена актуализация *философии творчества*, направленной на сохранение статуса бытия и жизнеутверждающих перспектив Человека как субъекта, способного, создавая новое, дистанцироваться от наличной среды и критически ее определять с позиций социально-ответственного мироотношения Возрождения-XXI. Возрождение-XXI – проект формирования философии и практики нового гуманизма, противостоящего трансгуманизму - активно продвигаемой антропотехнологической идеологии, ставящей задачу переноса сознания и личности на небиологический носитель. [1]. В логике Возрождения-XXI основой решения мировоззренческих проблем является именно творчество, но как вектор субъектно -объектного взаимодействия, в котором поиск фундаментальных оснований принципов

будущего, новизны ориентирован на возрождение целостного природно-культурно-человеческого бытия на планете. [2]. Системой мировоззрения, позволяющей осуществить эту задачу, является экологическое мироотношение в целом и *экофилософия как всеобщая форма Культуры XXI века*. [3].

В экофилософском аспекте категория «творчество» как универсалия истинного бытия выражает формирование новых форм деятельности, в которых открывается бесконечное богатство и красота природы мира -космоса, природы Земли, человека, культуры, общества. Исследование категории «творчество» в контексте экофилософии, «очищая» культурное пространство, во-первых, *критически* выявляет деструктивные основания тех интерпретаций творческих процессов в концепциях современной науки и в инновационных проектах, которые направлены на снятие целостности и уникальности человека-Творца и человечества как субъекта; в них, поэтому, не могут быть решены проблемы связи бесконечного и конечного, вечного и временного в культуре - условия развития человечности и восстановления значимости высокого творческого начала в жизни и общественном сознании. [4]. Творчество, сведенное к креативности и оригинальности, принципиально противостоит экофилософскому пониманию, поскольку лишено аксиологического, прежде всего, нравственно-эстетического измерения – характеристик, отражающих именно целостно-субъектно выраженное творчество.

Но в контексте как отечественной, так и зарубежной философии, получившей развитие в последние годы в связи с осмыслением пространственно-временного континуума современности, творчество как измерение бытия субъекта и философское определение человека все чаще ограничивается лишь инновационностью. Формы моделирования практики, отражающие безотносительно к содержанию исключительно количественно-технологические аспекты деятельности, посредством которых создаются многообразные проекты и программы, представляют при этом мир, увиденный глазами homo informaticus - человека информационного. Освоение реальности в пространстве его жизни не предполагает знаний классической философии и науки, переживаний высокого искусства, а потому и рефлексии творчества как порождения уникально-неповторимых форм совершенства, отражающих саморазвитие качественного богатства бытия и глубины жизнетворчества - его гармонии, свободы, включая связи в нем бесконечного и конечного, вечного и временного.

Одним из направлений развития представлений о творчестве, необоснованно обедняющим и упрощающим природу человека и мира, стала претендующая на роль новой онтологии миметика, восходящая к известной книге Ричарда Докинса «Эгоистичный ген» (1976г.). [5]. Эволюция, по логике многочисленных сегодня последователей миметики, происходит на основе природного и культурного наследия, передающегося посредством генов и мемов. Мемы-копиры - наименьшие единицы информации, закладывающие программы социальных изменений в человеке, по Р. Докинзу, «распространяются из склада мемов одного человека к другому путем, который

мы можем мудро определить как «подражание». Подражание является одной из особенностей человеческого вида в отличие от животных. Человек обучается ходить, говорить и работать и действует, когда видит, как надо это делать». [Цит по: 6. С. 258]. Именно мемы выступают, по логике этого подхода, основаниями творчества.

Так, по мысли Д.С.Деннета, «мем не только копирует, подобный гену, человеческое сознание является продуктом мемов. Новые мемы возникают как результат соединения и переработки старых высказываний, анекдотов, историй а также легенд, мифов, теорий и идей. Этот процесс может быть назван творчеством, определяемый в миметике как процесс одновременного воздействия, переработки и воссоединения». [7]. Работникам искусства имиджмейкерам и производителям рекламы, считает В.Рябухина, легко понять это. Цель работы этих людей – породить новые мемы различных типов, воздействующие на разные уровни человеческого разума. [6. С. 262]. Творчество в миметике, таким образом, сводится только к конструированию, это не более, чем программирующая сознание комбинаторика, а не самоценный культурный процесс, в котором связываются объективное и субъективное, человек и мир. Понятое в миметике как биокомбинаторный процесс, творчество осуществляется не человеком как субъектом деятельности, а копирами-мемами, столь же эгоистичными и спонтанными, как и гены. Такая философия, уравнивающая творческий процесс с любыми формами конструирования и «продавливания» проектов, а мемы-копиры отождествляющая с подражанием-мимесисом отражает деструктивный процесс, недопустимо упрощающий осмысление феномена творчества, и крайне опасную тенденцию снятия границ между творчеством и его имитацией.

Восхождение современной науки от миметики к мимесису как подражанию истине и благу, и шире – к высокому уровню античной философско-эстетической мысли с ее рефлексией творчества и человека как зеркала, отражающего гармонию связи микрокосма и большого мира природы, космоса – путь к восстановлению классически философского мышления, содержательности творчества как философской категории и истинного бытия. Вот почему универсалия «творчество» востребована сегодня не просто для развития «инновационности вообще», а сохранения мира человека с его атрибутами – Истиной Добром и Красотой.

Это обстоятельство уже стало предметом рефлексии не только в восточной и российской экофилософии, но и на Западе, о чем свидетельствуют, например, концепции французских философов Э.Морена, Д. Бура, Ф. Дескола и др. А американский историк науки С.Гринблатт написал о сотнях имен считавшихся великими в античную эпоху писателей и поэтов, масштаб которых сопоставим с Эпикуром, Вергилием и Лукрецием, ни одного фрагмента сочинений которых не сохранилось, несмотря на поиски гуманистов Ренессанса, начиная с Петрарки. Он показал, к какой трагедии для будущего человечества может привести забвение преемственности, ценностей творческого наследия предшественников, утрата культурной памяти и шире - субъектной основы онтологической и социально-исторической непрерывности мирового

творческого процесса. В свете этого становится понятно, насколько истинно творческий процесс, ставший сегодня столь хрупким, нуждается в социальной защите.

Второе направление исследования творчества в экофилософии – *конструктивное* - заключается в исследовании феномена творчества в контексте нового гуманизма, не повторяющего формы прошлого (что бессмысленно и невозможно), но синтезирующего *человеко-совершенствующие основания бытия* современного мира. Цель истинной творческой деятельности - жизнеутверждение и развитие *сохраняющих природу и культуру форм деятельности* во всем многообразии их высоких идеалов, включая трагические и драматические смыслы. Здесь творчество – это процесс перевода реальности в человеческое измерение философии, что предполагает восстановление *объективных и нормативных оснований* творческой деятельности и несводимость его освоения к моделям, построенным на основе предельной релятивизации и субъективизации. [8]. Задача экофилософии – *раскрыть сущность творчества человечества-субъекта как источник гуманизации всех сторон нашего бытия*, как основу нового синтеза мировидения и практики человечества – не на рационально-прагматической основе, не на изменяющемся балансе геополитических расчетов и задач, а на основе собственной идентичности как высшего начала космопланетарного бытия и как деятельности субъекта, единственно способного решить глобальные проблемы современного мира и определить его и свою дальнейшую судьбу. Такое целостное перспективное видение реальности - условие философского творчества – возможно лишь на основе космопланетарного подхода, развивающего многовековые традиции мысли, в которых связываются в органическое единство категории «Космос», «Гармония» и «Творчество».

Именно в этом контексте получает смысл 2017 год, объявленный Президентом Российской Федерации годом экологии, что подчеркивает востребованность мысли Д.Пико делла Мирандолы о культуре как творчестве всех людей Земли, основанном на вере в свободного человека, способного перестать быть игрушкой обстоятельств и утвердить свое достоинство и высокую миссию в современном мире.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Философия межкультурных коммуникаций в перспективе идеалов Возрождения- XXI // Человеческий капитал. 2014. № 10 (70). С. 30-34.
2. Баркова Э.В. Философия культуры в экологоориентированной перспективе // Культура. Наука. Интеграция. 2012. № 2 (18). С. 14-21
3. Баркова Э.В. К исследованию мировоззренческих оснований экофилософии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 1 (30). С. 180-186.
4. Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий

- капитал. 2014. № 12 (72). С. 96-100.
5. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Мир, 1993. – 318с.
 6. Рябухина В.В. Технология воздействия на поведение и сознание. Мемы, этика, мораль // Коммуникативные стратегии информационного общества. СПб 2012. С. 257 - 265
 7. Dennett D. Darwins Dangerous Idea. Evolution and the Meaning of Life – N.Y. – 1995
 8. Баркова Э.В. Творческая природа человека как проблема реконструктивной философской антропологии // Общество и человек. 2014. № 2 (8). С. 121-127.
 9. Ивлева М.И. Бытие человека с точки зрения субстанциального подхода: экологический аспект // В сборнике: Человек в современных научных и философских концепциях мироздания сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука»; Редакторы: Н.А.Краснова, Т.Н.Пленсканюк. 2016. С. 5-13
 10. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994.

УДК 378.1

Бузская О .М. Категория «творчество» и ее роль в развитии принципа социальной мембраны в экологии коммуникаций

The «creativity» category in discovering the social membrane principle of ecology communications

Бузская Ольга Маратовна

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва olga.buzskaya@yandex.ru

Buzskaya Olga Maratovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация. Статья раскрывает принцип социальной мембраны в осуществлении экологии коммуникаций. Социальная мембрана понимается как защитная функция коммуникаций, направленная на очищение социально-коммуникативного пространства от деструктивных воздействий неконтролируемых информационных потоков. Уровень культуры субъекта, его мировоззренческие представления определяют качественный и содержательный результат творчества как результата экологии коммуникаций.

Ключевые слова: творчество, экология коммуникаций, социальная

мембрана, социальные коммуникации.

Abstract. The article reveals the principle of social membrane in the implementation of ecology of communications. Social membrane is understood as a protective function of communication, aimed at cleansing the social-communicative space from the destructive effects of uncontrolled information flows. The cultural level of subject, his ideological representations define the qualitative and substantive result of creativity as a result of ecology of communications.

Keywords: creativity, ecology, communications, social membrane social communication.

В условиях современной глобализации с ее тенденцией к унификации и стиранию уникальных черт локальных культур феномен творчества, как показывает практика, не только не утрачивает свой смысл, но приобретает все большую актуальность и социальную востребованность. Действительно, в социальном пространстве современного мира нарастают тенденции, разрушающие веками сложившиеся творческие основания мира общения с его нравственными и эстетическими оценками, умением слушать и поддержать. В отличие от субъект-субъектных отношений, характерных для человеческого общения, мир коммуникаций строится на основе субъект-объектных связей, в которых сегодня доминируют процессы стереотипизации мышления и поведения, прагматизм и индивидуализм, растет социальное отчуждение. Говоря о пространстве современных коммуникаций, нельзя не отметить и такую его черту, как всевозрастающее стремление их субъектов к эгоистическому самоутверждению и самовыражению, без учета истины, ценностей собеседника или партнера, интересов и побуждений любого других людей, структур, народов. В результате и общение, и коммуникация превращаются в матричную схему, исключая раскрытие сущностной творческой природы человека и выстраивание его глубинных связей и с обществом, и с природой.

В этом контексте творческий компонент коммуникаций может быть рассмотрен как ресурс восстановления гармоничного взаимодействия человека со своей внешней и внутренней средой. Действительно, феномен творчества всегда был неразрывно связан с такими онтологическими характеристиками бытия человека как свобода, время, становление, уникальность, общение. Творчество выражается в сближении внутреннего и внешнего планов бытия, раскрытии реальности и самого человека-субъекта через контекст открывающегося в творчестве идеального, мира духовной культуры.

Но сегодня и на уровне общественного сознания, и в социальных теориях этого феномена нередко происходит отождествление принципиально разных явлений - собственно творчества и инновационной деятельности. Если инновационная деятельность - это вид любой преобразовательной деятельности с заранее предполагаемым жестко фиксированным результатом, то творчество - такое обновление содержания и средств коммуникаций, в котором моделируется мера человеческого соответствия с возможными изменениями общества на уровне, выходящем за рамки рациональности.

С нашей точки зрения, на уровне онтологического освоения общества и каналов его коммуникаций творческая основа может быть раскрыта на основе нового метода - экологии коммуникаций. Цель экологии коммуникаций – оздоровление мира современного человека и систем его коммуникаций на межличностном, социокультурном и глобальном уровнях. В этом аспекте экология коммуникаций становится востребованным подходом, актуализирующим социальный заказ на оздоровление и возвышение самого человека.

Одним из важных условий проявления экологии социальных коммуникаций является условие взаимодействия на принципах психоэмоционального и энергоинформационного обмена, а не одностороннего поглощения. Этот принцип отражается в модели социальной мембраны.

Сегодня пространство социальных коммуникаций характеризуется избытком деструктивной, вредной информации из-за неумения ее отбирать и «фильтровать», подобно биологическому организму. В микробиологии существует понятие клеточной мембраны, выполняющей транспортные и защитные функции для клетки организма. Цитомембрана устроена одновременно и как барьер, и как канал для всех веществ, которые проникают в клетку или ее покидают. Она поддерживает внутренний химический состав клетки через избирательную проницаемость и возможность транспортировки. При этом патологии мембран могут нанести значительный ущерб: прекратится коммуникация клеток, их «узнавание», произойдет клеточная и мембранная деформация, что вызовет тяжелые последствия для всего организма.

Хотя мембранная модель характерна для биологических систем, она также выражает социальное взаимодействие: люди – на подобие клеток организма, энергоинформационные процессы – обменные вещества и субстанции, каналы коммуникации – сосуды и артерии. Но где же социальная мембрана? Деформации в современном обществе являются подобием и цитомембранной патологии: при нарушении обмена, происходит всеобъемлющее поглощение, но не выводится полезное и необходимое и, как следствие, каналы коммуникации загрязняются, происходит нарушение во всей системе. Как происходит такая циркуляция на уровне личности? Накопленные знания и опыт распространяются, отражаются через личность - мембрану, в окружающий мир. Энергия и информация, пропущенные через человека как мембрану, обогащаются его осознанием, опытом, индивидуальными личностными особенностями. И если циркуляция мир-информация -человек-знание-мир нарушается, происходит дисбаланс как в коммуникациях человек-человек, так и в связи человек-мир.

Что является барьером и обеспечивает необходимые обменные процессы в социальных коммуникациях? От части, таким барьером выступает доступ к информации, но он может быть приобретен или взломан. Однако социальная мембрана должна крайне осторожно, тонко, но четко отсеивать информацию по биологическому принципу «вредно-невредно». Или «экологично-неэкологично».

В социальных коммуникациях таким барьером выступает культура,

определяющая критерии содержательности коммуникации. «Именно культура как наиболее глубинная и универсальная форма бытия народов должна сегодня формировать каналы всех коммуникаций, задавать установку и общий человеческий уровень, без чего современный процесс мировой интеграции будет становиться еще более деструктивным и даже опасным для человека, его свободы и особенностей его полноценного бытия. Это значит, что именно межкультурные коммуникации действительно должны стать, во -первых, новой основой объединения всех людей, реально работающих, а не имитирующих человеческую деятельность, всех создающих нечто подлинное, истинное, красивое, а не внедряющих опасные для человека и человечества проекты; всех способных к созидательной, честной, профессиональной работе». [1, с.35]

Упадок культуры, несомненно, усиливает отчуждение, расслоение и разъединение людей и лишает их какой-либо перспективы общего участия в разрешении глобальных проблем, так как интегрирующей и возвышающий смысл самого присутствия человека в универсуме становится размытым, непроявленным или ниспровергнутым.

Выступая в роли социальной мембраны, защищающей бытийность человека, его глубинные связи от современных дегуманизирующих тенденций, культура проявляется в формах социальной ответственности, гуманизма, солидарности, справедливости, долга, совести. Одной из ключевых категорий культуры в этом контексте выступает социальная ответственность.

Заметим, что творчество и социальная мембрана оказываются тесно связанными между собой категориями и процессами. По сути, творчество является показателем здоровой и действующей мембраны: ведь если происходит процесс восприятия, поглощения информации из окружающего пространства, то она должно перерабатываться субъектом и выделяться обратно в новом качестве, что и выражается в творчестве. Уровень культуры субъекта, его мировоззренческие представления определяют качественный и содержательный результат такого творчества.

Практика уже сегодня дает примеры коммуникаций, получающих развитие на основе эколого-культурного самосознания. Это и новые образовательные проекты, и новые типы музейных коммуникаций, и практика спонтанно возникающих молодежных акций и организаций, в которых творчески ставятся и решаются проблемы экологии ноосферы, общества, будущего на основе развития свободы. Такие новые формы социального творчества формируют гуманистически ориентированные ценности и должны быть обобщены и исследованы в логике экологии коммуникаций для преодоления дальнейшей разбалансировки современного социального пространства.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Творческая природа человека как проблема реконструктивной философской антропологии // Общество и человек. 2014. № 2 (8). С. 121-127.
2. Баркова Э.В. Философия диалога культур как форма надежды на сохранение мира // Диалог культур: социальные, политические и ценностные

аспекты. – М., 2015. - С.103-115

3. Баркова Э.В. Межсубъектные связи в современном мире: опыт экофилософского анализа // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. 2014. №8 (74). - С.12-23

4. Бузская О.М. Культурный мост «Россия-Ирландия» в современном мире // Человеческий капитал. 2014. № 10 (70). С. 46-49.

5. Бузская О.М. Гуманитарные технологии и их потенциал в развитии информационного общества // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013.№ 4 (8). С. 94-102.

6. Бузская О.М. Модели проектирования современного социокультурного пространства // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием. Москва, 2015. - С. 26-29.

7. Григорян А.Э. Функция конструирования в межкультурных коммуникациях // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. №1-2(11). С.124-130

8. Григорян А.Э. Проектирование коммуникативных оснований нравственно-ценностного пространства // Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием «Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания» - 2015. – М.,С.37-39

9. Григорян А.Э. В поисках экоориентированных стратегий развития информационно-коммуникативного пространства // Вестник Орловского гос. университета. 2015. №1. - С.297-300

10. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // В сборнике: Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. 2016. С. 64-66.

11. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994

УДК 316

Гайнутдинова Е.В., Лебедева И.В. Проблемы

культурных критериев современных элит

Cultural criteria problems of modern elite

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна
Астраханский государственный технический университет
г. Астрахань, РФ gainutdinova.ekaterina@mail.ru

Лебедева Ирэна Валерьевна
Каспийский институт морского и речного транспорта
г. Астрахань, РФ irenalebedeva@mail.ru

Gainutdinova Ekaterina V.
The Astrakhan State Technical University

Lebedeva Irena Va.
Caspian Institute of Sea & River Transport

Аннотация. Современные теории элит не всегда адекватно и своевременно охватывают своим научным анализом многообразие практики элитных групп, особенно тех, кто относится к числу неполитических элит – элит научных, культурных и религиозных сообществ. Каждое элитное сообщество нуждается в своем отдельном наборе критериев элитности, отражающим специфику рода ее деятельности. И политические элиты перестают быть заводчиками моды на элитность. Все чаще они сами начинают заимствовать критерии иных элитных сообществ, понимая идейные ограниченности своих ресурсов. Наряду с традиционными элитами, мы наблюдаем сегодня появление псевдоэлит (ярким примером могут послужить представители движения «чайлдфри») Потребность в ведении культурных критериев в систему оценки свойств и качества элит, свидетельствуют об усилении роли личности в формировании и функционировании современных элитных групп.

Ключевые слова: культура, элита, «элитность», «элитаризм», элитизм, доминация, потребность, детерминация, мотивация, личность, творчество

Abstract. The modern theory of elites is not always adequate cover with their scientific analysis the diversity of practices of elite groups, especially those who are among the non-political elites such as the elites of scientific, cultural and religious communities. Each elite community needs its own separate set of criteria of elitism, reflecting specific of their occupation. The political elites cease to be an interpreter for the fashion-exclusivity. Increasingly, they are beginning to adopt criteria other elite community, realizing its ideological limitations, of their resources. Along with the traditional elites, we are witnessing today the emergence of pseudo -elites (a vivid example is the movement "childfree") The need in cultural criteria in evaluating the quality of elite, testify strengthening the role of the individual in the formation and functioning of the modern elite groups.

Key words: culture, the elite, "elitism", domination, demand, determination,

motivation, personality, creativity

Существующие в общественной науке критерии оценки качества элиты восходят еще к классическим теориям элит начала XX в. (Mosca G. *Pareto V.*, Michels R.) и нуждаются в методологическом уточнении. Уточнение это исходит из гуманитарных наук, которые начали рассматривать элиту не только как некую политическую организацию, но и как акмеологический уровень любой профессиональной деятельности. Формирование культурологических критериев понятия «элита» происходит в русле корректного понимания его сущности, т.е. вне каких-либо идеологических предпочтений или культурно-бытовых представлений. Особое значение в этой связи приобретают не общественные стереотипы, ориентированные на атрибуты успешности, а индивидуальный путь к духовному совершенству. Проблема состоит в том, что понятие «элита» становится излишне политизированным и зачастую ассоциируется с принадлежностью к власти и должностному преимуществу. По сути, теряется истинное значение понятия «элита», связанное с особенностью и отличностью личностных качеств. В этой связи одной из основ формирования культурологических критериев понятия «элита» является выявление сущности таких феноменов, как «элитность», «элитаризм», «элитизм».

Состояние современных элит можно охарактеризовать как переходное, от социокультурных ценностей развитого индустриального века к таким же ценностям раннего постиндустриализма. Сторонники теории постиндустриализма (M. Young, D. Bell, A. Toffler) считают, что в это время происходит смена доминант – «элита богатства» (олигархия) начинает уступать историческое первенство «элите знания» (меритократии). Именно развитие меритократических ценностей заставляет нас задуматься над тем, чтобы ввести в систему критериев элиты культурологические и персоналистические показатели. Если в политической науке критериями элит чаще всего выступают формальные и статистические основания, то культурные и психологические критерии касаются главным образом глубинных основ элиты, т.е. они работают не по форме, а по содержанию. И главным предметом исследования становится не формальный статус субъекта элиты, а непосредственно сама его личность.

[5]

Культурное развитие человечества есть поэтапный и систематический его уход от первобытного животного естества в сторону цивилизации. Еще Г.В. Лейбниц утверждал, что в трех четвертях своих действий люди поступают так же, как и животные. [8] Как показывает мировая история, духовные элиты (научная, религиозная, культурная) являются локомотивами прогресса совершенствования человеческого рода, поэтапно возводящего нас на все более высокие ступени развития. Значение культуры трудно переоценить. Именно культура выступает в качестве характеристики систем поведения человеческой популяции, которые формируются благодаря реализации свободы творчества. «Понятие культуры сводится при этом к образцам поведения, присущим отдельным группам людей, образцам, которые суть их обычаи или их "образ жизни"» [3]. Для культурных и научных элит особое значение имеет

жизненный пример, на основе которого и формируются культурные образцы поведения. У. Гудинаф, рассматривая культуру как систему знания, считал главными структурными элементами культуры знание и веру: «Культура не материальный феномен; она не состоит из вещей, людей, поведения или эмоций. Это скорее организация этих вещей. Это форма вещей, которую люди имеют в сознании, это модель понимания соотношения вещей и другие способы их интерпретации» [2]. Когда элиты (как «творческое меньшинство») не справляются с этими культурными задачами, это может свидетельствовать об их элитной неполноценности, что влечет за собою требования их ухода (А.Д. Тоунбее).

Элиты (особенно научные и культурные) непосредственным образом связаны с идеалами. Элиты оказываются не просто творцами идеалов, но и их носителями и хранителями. Традиционно идеал понимается как сознательно творимый идеологами (учеными, философами, политиками, моралистами) образ будущей человеческой деятельности в любой из ее сфер. Поэтому политические, религиозные, культурные и научные элиты функционируют на основе уже действующих идеалов, в ходе своей деятельности пытаются создать новые духовные ценности и представить их в качестве новых идеалов. «Социальные идеалы» обозначают «идеалы, присущие таким верованиям, которые связаны не с восприятием реальности, а с ценностями и оценками, с определением хорошего и плохого, полезного и вредного, Добра и Зла. Эти идеалы, оставаясь неосознанными, навязывают нашим действиям те или иные нормы, структурируют наше восприятие вещей. Мы оказываемся приверженцами тех или иных идеалов, даже и не догадываясь, что это идеалы». [1] Элиты становятся аксиологическими судьями, которые выносят соответствующие решения.

Истоки развития феномена «элитизм» восходят к особенностям мотивации субъектов, которые полагают, что обладание властью и предметами роскоши дают основание для определенного статусного положения по отношению к другим. Стереотипность восприятия действительности и стремление подражать в выборе линий поведения, ориентируясь в данном выборе зачастую на известных и популярных людей, формируют тенденцию того, что многие современные люди постоянно пребывают в погоне за теми или иными благами. Вероятно, этому факту способствовали как минимум две причины. Первая причина связана с общей тенденцией конца XIX в., которую справедливо критикует за направленность в изучении получения удовольствия и неудовольствия, что определялось, как конечная цель существования человека, тогда как природа человека была упущена из вида и понималась как нечто данное, определенное (В.В. Розанов). В связи с чем вечное насыщение понималась как конечная цель существования. Вторая причина определяется условиями современной действительности, при которых происходит личностное становление каждого человека. Стереотипы поведения человека изменились под воздействием массового сознания, поскольку средства массовой коммуникации в настоящее время являются мощными источниками и проводниками информации, манипулируя желаниями людей, социальные

нормы становятся мотивационной силой, которая способна управлять формами и средствами существующих потребностей.

Проблема «элитизма» заключается в том, насколько человек ощущает себя активным деятелем и сохраняет свою самостоятельность в условиях манипуляции общественным сознанием посредством средств массовой коммуникации. В связи с этим каждый субъект может быть подвергнут внешнему воздействию со стороны коллективного сознания в силу неверного выбора линий удовлетворения потребности на уровне ее осознания. Например, это связано с развитием рекламы, которая навязывает определенные стереотипы массового сознания, утверждая, что тот или иной продукт является наиболее необходимым благом для человека. Иначе говоря, отношение к понятию «элита» в современном обществе является лишь вершиной айсберга тех проблем, которые связаны с качественной определенностью нашей жизни, которая ориентирована, в первую очередь, на материальные блага, позволяющие быть, как кажется, «успешными».

С прагматической и утилитарной точек зрения (Ch. Peirce, W. James) [4] феномен элитности определяется возможностью или невозможностью потреблять то, что недоступно другим: элитное жилье, элитный отдых, элитные бренды, элитные автомобили, позволить себе элитный образ жизни, не обремененный заботами - все это рекламные слоганы, посредством которых производители услуг манипулируют сознанием потребителя, стремящегося быть успешным, но чтобы этот успех был материально-знаковым для видимого отличия от остальных. С персоналистической точки зрения (N.A. Berdyaev, E. Mounier, J. Lacroix) есть максимально проявленная в творчестве достоинство, получившее объективное признание со стороны общества.

Феномен элитизма обнаруживается в возвышении себя не за счет незаурядных способностей и таланта, а за счет причисления себя к особым по положению и статусу людям, кого можно охарактеризовать как псевдоэлисту. Примером тому может стать движение «чайлдфри», приверженцы этой идеологии, призывающие к добровольной бездетности, также причисляют себя к элите, поскольку они выбрали для себя свой уникальный образ жизни, не обремененный заботами о семье и детях. Представители «чайлдфри» в России зачастую агрессивно ведут себя по отношению к остальному социуму, не разделяющему их взгляды.

Разграничение понятий элитность и элитизм предполагает культурологические коррективы в отношении к понятию (концепту) «элита», не чувствуют себя полностью реализованными и оцененными по достоинству обществом. Проблема заключается в том, что обладание определенным статусом не является показательным в плане духовного развития личности. Отличительные особенности категорий «элитарность» и «элитность» состоит, в первую очередь, в том, что «элитность» - это качественная определяющая личности, отражающая ее духовный и интеллектуальный уровень, за счет чего и формируется общественная значимость, т.е. власть достигается посредством личностного авторитета в социуме, а не материальными или статусными возможностями.

Основа культурологических критериев понятия «элита» формируется на базе таких потребностей как потребность в самоактуализации, так и потребности в саморазвитии, которые закладывают основной вектор развития субъекта. Потребность в самоактуализации и креативность являются основой построения самого себя, будь таким, каким хочешь быть. Субъект обладает внутренним потенциалом, позволяющим нарушать состояние равновесия особенно тогда, когда человек старается казаться или стать лучше себя настоящего. Следуя мнению А. Маслоу в данном аспекте, можно предположить, что креативным и самоактуализирующимся людям свойственно видеть мир свежим взглядом, по сравнению с большинством они более спонтанны и экспрессивны, поскольку они принимают себя, они более открыты для творчества [9]. А. Маслоу называет это «первичной креативностью», при этом считая, что лишь немногие одаренные и подготовленные люди могут добиться настоящего творческого успеха, а значит, первичная креативность самоактуализации — это основное проявление нашей человеческой сути. Аналогичным образом рассуждает А. Маслоу, о тех основах мотивации, благодаря которым формируется оптимизм у личности, что обусловлено самоактуализацией, креативностью. Причем особое отношение в этой связи складывается к феномену «занижения уровня мотивации», что, по его мнению, это «своего рода девальвация человеческой природы, представляющая собой некое подобие паранойи», и что любая полная теория мотивации должна включать и эту переменную. Актуальность подобного анализа А. Маслоу видит в том, что для человека является губительным субкультура отчаяния, эта позиция «я еще хуже, чем ты» [9]. По его мнению, такое состояние уродует, наносит урон возможностям человека, снижая его способность действовать и добиваться успеха. Если в этой связи говорить об элите, то потребность в самоактуализации способствует достижению своей профессиональной самореализации за счет своих интеллектуальных и профессиональных знаний, а не за счет усилий других и благоприятно сложившихся обстоятельств. Тем самым, здесь подчеркивается самостоятельный путь поиска внутренних резервов для достижения своих целей.

Потребность в саморазвитии, служащая основанием формирования активной жизненной позиции как поиск вариантов и возможностей. Вероятно, источником мотивационного баланса личности является также и потребность в саморазвитии, в самореализации. Активация личности в деятельности зависит от социальной значимости и социальной приемлемости. Вместе с тем данная потребность позволяет субъекту быть активным и не просто принимать действительность как она есть, но и стремиться к ее преобразованию, либо не принятию того, что не устраивает. Смысл действий субъекта состоит не в пассивном восприятии существующей действительности, а в ее активном принятии. Субъект в данном контексте рассматривается не как безвольное создание, которое ведомо любыми изменениями внешних тенденций, а как активное творческая самодостаточная единица, способная на ответственные общественно значимые действия. [7]

Подводя итоги рассмотренного нами материала, отметим, что мы лишь

контурно затронули принципиальные вопросы темы критериев элитных профессиональных сообществ. Таким образом, если говорить об основе формирования культурологических критериев понятия «элита», то, во-первых, необходимо стремиться к их методологической систематизации, ориентируясь на корректное понимание их сущности, которые связаны с особенностью и отличностью личностных качеств субъекта. Во-вторых, необходимо делать акцент на тех объединяющих основах, которые отображают внутреннюю детерминированность субъекта, обусловленную его природной заданностью и направленную на достижение личностной элитности. Речь фактически идет о гуманизации критериев элиты, о переходе к этическим оценкам профессиональных действий ее субъектов, об отказе от формальных критериев, которыми общественная наука пользовалась весь XX в., оценивая действия сильных мира сего.

Библиографический список

1. Bertrand M., 1990 - Bertrand M. La pensee et trauma: Entre psychanalyse et philosophie. P.: L'Harmattan, 1990.
2. Goodenough W.H., 1957 - Goodenough W.H. Cultural anthropology and linguistics // Reports of the 7-th Annual Round Table Meeting on linguistics and language study. Col. 9. Washingtob, 1957.
3. Harris M., 1968 - Harris M. The rise of cultural theory. N.Y., 1968.
4. James, W. 2005. - James, W. Great Men and Their Environment. Kila, MT: Kessinger Publishing. 2005.
5. Paul L. Karabushenko, 2015a - Paul L. Karabushenko, Arushan A. Vartumyan, Tatiana A. Shebzukhova, Igor N. Bobrovsky. Russian Learned Elite to Search New Development Purport // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol 6, No 5. S2 (2015) September 2015. P.529-535.
6. Paul L. Karabushenko, 2015b - Paul L. Karabushenko, Arushan A. Vartumyan. The Russian Empire of the Wane Period: Learned Elites and Authority // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol 6, No 4. S2 (2015) July 2015. P.696-702.
7. Бердяев Н.А., 1994 - Бердяев Н.А. Смысл творчества С.37-341 // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т.1. – 542с.
8. Лейбниц Г.В., 1982 - Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 томах, Т. 1. М., 1982.
9. Маслоу А., 1999 - Маслоу А. Мотивация и личность. - СПб.: Евразия, 1999. - 478 с.

УДК 299.5

Дементьева В.В. Философия смерти в древнеегипетской мистериальной культуре

**The philosophy of death in ancient Egyptian
mystery culture**

Дементьева Виктория Владимировна
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Пермского государственного национального исследовательского
университета, г. Соликамск mail-svs@mail.ru

Dementeva Viktoriia Vladimirovna
Solikamsk state pedagogical Institute (branch)
Perm state national research University, Solikamsk
mail-svs@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема зарождения универсальных культурных архетипов и форм в рамках древнеегипетской цивилизации. Актуальность темы заключена в обращении к истокам и древним первообразам, которые могут стать ключами для понимания феномена мирового культурного достояния, наибольшее число которых предстает как порождение именно древнеегипетской мистериальной культуры. Основная цель – показать, как древними египтянами впервые была установлена неразрывная связь между реальным миром и личной судьбой каждого в мире потустороннем.

Ключевые слова: древнеегипетская культура, мистериальная парадигма, Маат, Сфинкс, философия смерти.

Abstract. The article considers the problem of the origin of the universal cultural archetypes and forms within ancient Egyptian civilization. The relevance of the topic lies in the appeal to the origins and ancient prototypes, which can become the keys for understanding the phenomenon of the world cultural heritage, the largest number which appears as a product of the ancient Egyptian mystery culture. The main purpose is to show how the ancient Egyptians was first established the inextricable link between the real world and the personal fate of each world in the beyond.

Keywords: ancient Egyptian culture, mystery paradigm, Maat, Sphinx, Phi-the philosophy of death.

Нельзя не согласиться с О. Шпенглером, что у каждой культуры своя душа, понятная только самим представителям данной культуры. Безусловно, можно заимствовать внешнюю атрибутику, специфические формы какого-либо культурного типа, но только не его дух (то есть внутренние побуждения, смысл выражения и цели творчества).

Известно, что Египет - отец европейской государственности, европейского искусства, многих явлений религиозной жизни и быта; родина таких архитектурных форм как колонны, базилики; Египет создал наши первые иконы и монашество; к его иллюстрированным папирусам приходится восходить, чтобы объяснить происхождение наших книг с рисунками; в нем следует искать исходный пункт распространения многих сюжетов и мотивов популярных сказок - и все это бесспорно доказывается хронологически и исторически. Да и вообще, вся жизнь древних египтян была похожа на сказку,

которую сейчас мы можем рассматривать как наследие великой культуры или достояние сошедших на землю богов. Это достояние как семена разлетелось по всему миру и теперь, можно только догадываться об его истинном значении и месте происхождения.

Рассмотрим такой пример. Всем известно о непреходящем историческом значении деятельности милетских мыслителей - Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена. Достаточно доказанным считается тот факт, что свои основные философемы они позаимствовали из других культур (а именно, наиболее древней - египетской).

Также известно, что Анаксимен много путешествовал по Востоку и, можно предположить, что его превосходное знание астрономии и геометрии получено именно в Египте как посвящение в таинственные мистерии. К несчастью, источники, дающие нам какие-либо сведения в этом направлении, чрезвычайно малочисленны и скудны: «Гомер говорит (об учении Фалеса) во многих местах: что вода начало всех вещей; также в Египте, в Финикии встречается такое учение...» [1, с. 40].

Наука в Древнем Египте действительно была на высоте. Только заниматься ею было делом жрецов. А знания жрецов держались в строгом секрете, что сильно осложняет современные исследования в этой области. Очень многие стороны жизни Египта остались скрытыми от нас почти всецело. Тоже касается и религии. Богов и демонов в Египте было невероятно много: большая часть из них представляют собой не более чем теологические абстракции, не имеющие никакого отношения к народным верованиям. Остальные настолько малоизвестны, что пришлось бы ограничиться простым перечислением немногих имен (вроде Напер и Неперт, божеств жатвы или Мешент - рождения, богини Реннут, покровительницы грудных младенцев и т.д.).

Однако приходится осознать, что египетская религия послужила источником целой оккультной традиции (о чем не забывают упоминать разные оккультные издания). Например, в журнале Аум (увидевшем свет в 1990 году) хронология Школ Мистерий открывается текстами египетские школы мистерий Изида и Озириса, затем идут друиды, финикийцы и т.д. Принимая знание от учителей, ученик становился посвященным и давал клятву Братству не открывать тайну остальным, иначе он становился жертвой насилия простого народа. Нельзя не заметить некоторую тонкую связь с судьбой Иисуса из Назарета. Пытаясь учить непосвященных - стал Жертвой, Мессией, которого так ждали израильтяне.

В целом, мало кто из исследователей пытается спорить с мнением, что египетская религия оказала значительное влияние на израильтян. Во-первых, согласно библейскому свидетельству, они прожили много лет в Египте, а их вождь и законодатель Моисей был научен всей египетской мудрости, причем некоторые исследователи, например, Либлейн, даже признают религию Иеговы частью тайного египетского учения. Как бы там ни было, но в эпоху эллинизма и римского владычества, когда национальная египетская культура пришла в упадок, египетские воззрения и культы не раз пролагали себе путь в Европу, и,

между прочим, культ Изида достиг в Риме огромного значения и влияния.

Но это все касается чисто внешних сторон египетской религиозной культуры.

Гораздо важнее вскрыть ее внутреннее содержание, как говорится "понять ее душу". Что двигало умами древних египтян, заставляя их заботиться о своих мертвецах и богах больше, чем о живых? Ведь когда они воздвигали новый храм, "обитель миллионов лет", строили на западе Фив гробницы - "дома вечности", они, не считаясь ни с какими расходами, привозили издалека камень, металлы и драгоценное в этих местах дерево. Никакой материал не казался им слишком прекрасным и долговечным для этих сооружений, хотя сами они жили в домах из кирпича - сырца, и только настенная роспись в них имитировала камень и металлы. Поэтому храмы и гробницы просуществовали гораздо дольше чем города, а в коллекциях неизмеримо больше саркофагов и стрел, статуй фараонов и богов, чем бытовых предметов живых египтян, а также, намного больше ритуальных и магических текстов, чем воспоминаний или романов.

Древнеегипетская цивилизация, на мой взгляд, напоминает Царство мертвых. Подтверждением тому являются "Тексты пирамид", "Книга врат", "Книга пещер", "Книга мертвых" и многие другие "Книги загробного мира" в которых люди учились не жизни, а смерти. А смерть для древних египтян была очень многоликим явлением.

Во - первых, смерть ассоциировалась с судьбой: все в жизни преходяще, только смерть, если наступила, то ничего не изменится никогда для умершего - он вечно спокоен. Это осмысливалось с грубо физических позиций. Далее. В этом мире человек пребывает временно, а в мире ином всегда. Смерть и вечность встретились. В загробном царстве нет времени и выхода оттуда нет. Поэтому зачем обогащать ценностями культуры этот мир? Они нужнее в гробницах и саркофагах. И последнее. Смерть - это познание истины. Не только в египетских, но и во всех мировых оккультных духовных школах, каждому сперва предоставлялась возможность войти в Храм, где необходимо было пройти через "долину теней" (т.е. ритуальную смерть) и выйти к солнцу Посвящения. Познавший мир - умер для него, ибо больше не зависит от его законов и реалий. Человек умирает, чтобы возродится на другом уровне реальности - на духовном.

Египетские жрецы жили по правилам духовного мира и, поэтому (по мнению своих современников) творили чудеса. В любом случае, смерть и для древних людей, и для наших современников - проблема. Ибо связана с психологическим, моральными и физическими затратами и утратами. Древние египтяне справились с этой проблемой с помощью духовной и идеологической реконструкции мира, а также с возведением акта смерти в высокое, исполненное глубокого и тайного смысла явление. "Memento mori" - помни о смерти для безмятежности мертвым и в назидание живым.

Таким образом, Египетская культура - явление неординарное. Судя по сохранившимся памятникам, она существовала на протяжении приблизительно трех с половиной тысячелетий. Появление именно в данном регионе столь

высокоразвитой цивилизации на первый взгляд кажется неожиданным, мало подготовленным предыдущим периодом развития. Тем не менее, уже при первых династиях фараонов мы наблюдаем наличие письменности и разработанного, устоявшегося изобразительного стиля, основные черты которого остаются неизменными на протяжении всего существования Египетской цивилизации. От этой цивилизации осталось слишком мало культовых свидетельств: храмы, изображения божеств, календари, мумии, культовый инвентарь, сосуды, описания мистерий и всенародных празднеств, пирамиды, бирки и прочее. Во всех объектах исследуемой культуры прослеживается некое цельное постоянство, а именно: непрекращающаяся озабоченность течением времени и смертью. Все словно происходит с единственной целью - умереть. В древнеегипетскую атмосферу беспечности и веселья постоянно словно врежется какая-то тоскливость и нервозность: все смертно! все хрупко!

“Веселись, гони от себя мысли, что когда-нибудь станешь сверкающим духом! Радуйся, пока ты здесь!

Ни одну прекрасную вещь не возьмешь с собой на тот свет, нет оттуда дороги назад”[2]

читаем мы в стихотворении времен среднего царства:

“Смерть рядом с тобой всегда”, шепчут гигантские пирамиды: «веселись, пока смерть не забрала у себя все, слышится в звоне великоленных глиняных сосудов... ” Был ли этот страх смерти при уважении к ней? Сейчас, пожалуй,

трудно ответить. Но известно, что были среди египтян наиболее мудрые и посвященные люди - жрецы.

В их руках были собраны все тайны мира и секреты культуры. Человек, посвященный в их истины, считался мертвым для данного мира, ибо он уже не смел подчиняться его законам соотноситься с какими бы то ни было реалиями. Жизнь уже не противостояла субъекту как отвлеченное первопричинное основание или некое бессловесное вещество; мир стал напоминать вселенское бессмертное "Я" человека и интерес к "миру как событию" отступил перед этой универсальной проекцией индивида на макрокосмические процессы. Именно этот момент образует базовый признак египетского герметизма в его мирозерцательной апофатии.

Вся древнеегипетская культурная парадигма есть некая мистерия смерти, обозначенная стремлением проникнуть в посмертную реальность и гордо водрузить над этой реальностью фигуру Сфинкса как символ Всеведенья, Истины и Всемогущества. Но какова же истина, хранящаяся в древнеегипетских легендах, замысловатых иероглифах папирусов и в грустных глазах жрецов?

Среди египтологов распространено мнение, что у древних египтян не было представления об истории как непосредственной смене различных событий. Это объясняется неизменностью древнего солнечного ритма, регулярностью нильских разливов и годовых сезонов: так было и так всегда будет.

Любая история подразумевает перемены, а жизнь древних египтян долгое время оставалась упорядоченной и неизменной. В египетском пантеоне есть любопытная статуэтка: коленапреклоненная женщина с характерным пером на голове . Это богиня Маат. Перевод понятия "маат" весьма условен, т.к. ни в одном европейском языке аналога ему нет.

Маат - одновременно и порядок, и истина , и справедливость, и обещания бога поддерживать её. Пожалуй, лучшее толкование этого понятия неизменность сущности вещей.

Маат не имеет ничего общего с добром или злом, а только над жизнью и смертью бесстрастно скользит его взгляд... Храмы могут быть разрушены, книги могут исчезнуть, но высокое познание, приобретенное жрецами, не может быть забыто. Сфинкс остается и этого достаточно... Он невозмутим: ни добро, ни зло, ни радость, ни боль, ни свет, ни тьма...

Он помнит:

Небо вверху, небо внизу

Звезды вверху, звезды внизу

Все, что вверху, то и внизу

*Если поймешь – благо тебе **

Согласно оккультным верованиям, улыбка Сфинкса соединяет в себе формы, наиболее чуждые одна другой. Нет ни жизни, ни смерти, есть только неизменная изменчивость, вечное движение и замыкание на круги своя...

Символ Истины – Сфинкс, показывает причину всех противоположных ей заблуждений; Символ Абсолютного – он является изображением таинственного кватернера...

“Кто познал, тот умер, чтобы снова родиться” – вот основная философия египетских посвящений. Что познать нужно умереть. Смерть – условие познания. Но это не гибель, это трансформация, переход в другое “Пространство - Время”, в другой Миф, где царствуют не фараоны и законы природы, а Боги, правящие по принципам космического мира.

Папюс в своих оккультных сочинениях дал следующую трактовку “улыбки Сфинкса”:

Все уравновешено (+ и -) Все бесстрастно. Очевидно, смерти здесь совершенно нет места. Возможно потому, что Сфинкс всё знает, а для того, кто уже всё знает, смерти не может быть.

Фигура Сфинкса свидетельствует о том, что для символа Всезнания не

существует ничего, даже Смерти : его сверхпотенциальность все содержит в себе и одновременно содержимое исключает, а для человека нет ничего, кроме смерти * Все для него миф, даже собственная жизнь, только смерть реальна. Если бы человек вышел из мифа (т.е осмелился познать мир),

то смог бы понять то, о чем время от времени лишь догадывался: "*всё во всём / всё в тебе / ты, во всём*". И тогда, когда человечество это познает, "Сфинкс рассмеется и все исчезнет"

Библиографический список

1. Маковельский А.О. Досократики - изд.-во: ЛГУ, 1989. - стр. 40
2. Загробная жизнь в Древнем Египте [электронный ресурс]
<http://biofile.ru/his/232.html>
3. Замаровский В. Их величества Пирамиды – М: Наука, 1981 – 234с.

Электронное научное издание

ФИЛОСОФИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

31 мая 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN: 978-5-00-005872-0

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3.3. Тираж 500 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова
Наталья Александровна Адрес редакции:
Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.
Бекетова 53.